

На правах рукописи

МЕЛЬНИКОВА Любовь Владимировна

**РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ
И ВОЙНЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX ВЕКЕ**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Москва – 2020

Работа выполнена в Центре истории религии и Церкви Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт российской истории Российской академии наук

**Официальные
оппоненты:**

ГЕРД Лора Александровна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела всеобщей истории ФГБУН «Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук»

ЛИНЬКОВА Елена Валентиновна, доктор исторических наук, доцент кафедры истории России ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»

ОРЛОВ Александр Анатольевич, доктор исторических наук, профессор кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки Института истории и политики ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»

Ведущая организация:

ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»

Защита состоится « 11 » февраля 2021 г. в 11.00. на заседании диссертационного совета Д.002.018.01, созданного на базе ФГБУН Институт российской истории Российской академии наук по адресу: *117036, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19 (ауд. 2).*

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБУН Институт российской истории Российской академии наук по адресу: *117036, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19* и на сайте ИРИ РАН: <http://www.iriran.ru>.

Автореферат разослан « » _____ 2020 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат исторических наук

И.А. Устинова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования

Диссертация посвящена исследованию роли Русской Православной Церкви в войнах Российской империи XIX в. на примере трех крупнейших военных конфликтов: войны 1812–1814 гг. (в российской историографии она делится на Отечественную войну 1812 г. и Заграничные походы русской армии 1813–1814 гг.), Крымской (Восточной) войны 1853–1856 гг. и Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Проблематика представляет интерес как с точки зрения научного исторического исследования, так и с точки зрения современных тенденций развития церковно-государственных отношений.

В XIX в. Российская империя, входившая в число великих мировых держав, занимала одно из ключевых мест на международной арене и имела там свои интересы и сферы влияния. К последним относились прежде всего поддержание системы европейского равновесия и усиление своего влияния на Балканах и Ближнем Востоке, где российские императоры традиционно оказывали покровительство православным народам Османской империи. В осуществлении этих задач российскому правительству существенную помощь оказывал Святейший Синод, который, по сути, сам являлся частью системы государственного управления. Особенно ярко это проявлялось на ближневосточном направлении российской внешней политики, где большая часть политических вопросов была неотделима от церковно-религиозных.

Последовательное проведение указанных принципов внешней политики вынудило Россию в XIX в. принять участие в ряде войн, крупнейшие из которых не только изменили политическую карту Европы и расстановку сил на международной арене, но и отразились на внутренней жизни России. Русская Церковь принимала активное и разностороннее участие во всех этих войнах, что определялось как исторической связью Церкви с монархической властью и центральным значением православия в духовной жизни страны, так и разной конфессиональной принадлежностью противников. При этом духовно-религиозная составляющая войн, рассмотрение которой, наряду с военно-политической стороной происходившего, также необходимо для получения полного и объективного представления об изучаемых событиях, прежде не находила достаточного отражения в исторической литературе. Автором диссертации впервые в ис-

ториографии вскрыт новый пласт в истории, казалось бы, хорошо изученных военных конфликтов Российской империи.

Помимо научной значимости актуальность темы диссертационного исследования определяется также обращением современного российского общества к национальным традициям страны и поиском государственной и церковной властей новых путей взаимодействия. В 2009 г. в Вооруженных Силах России был воссоздан институт военного духовенства. С начала XXI в. по настоящее время Русская Православная Церковь сотрудничает с различными государственными учреждениями по вопросам обеспечения патриотического воспитания граждан страны, что находит отражение в соответствующих программах, утверждаемых постановлениями Правительства РФ на каждые пять лет.

Объектом исследования являются три крупнейших войны Российской империи в XIX в. – война 1812–1814 гг., Крымская война 1853–1856 гг. и Русско-турецкая война 1877–1878 гг., а его **предметом** – роль в этих войнах Русской Православной Церкви, формы и степень ее влияния на характер, ход и результаты военных столкновений, а также церковно-политические вопросы в российской внешней политике, в той или иной мере повлиявшие на причины возникновения отдельных военных конфликтов.

Хронологические рамки исследования охватывают XIX век. Основное внимание уделено годам, когда проходили исследуемые в диссертации войны и православное духовенство принимало всестороннее участие в борьбе с врагом. Однако автор рассматривает и предпосылки этих военных конфликтов, в которых так или иначе была задействована Русская Церковь или затронуты церковно-политические вопросы российской внешней политики. Поэтому нижняя хронологическая граница относится к середине первого десятилетия XIX в., когда Александр I начал борьбу с наполеоновской Францией, и Русская Церковь приняла участие в первой антинаполеоновской пропагандистской кампании. Верхние временные рамки определяются концом 1870-х гг., когда завершившаяся Русско-турецкая война 1877–1878 гг. ознаменовала конец Восточного кризиса 1875–1878 гг. и стала значительным этапом в освобождении балканских народов.

Территориальные рамки исследования ограничиваются Российской империей и основными странами-противниками: Францией, Великобританией и Османской империей, на территории которых во время рассматриваемых в исследовании войн принимали участие в борьбе с врагом или заботились о российских военнопленных русские православные священно- и церковнослужители.

Степень разработанности темы

В отечественной историографии роль Русской Церкви в войнах Российской империи XIX в. до настоящего времени не была предметом специального комплексного исследования, однако отдельные аспекты проблемы затрагивались. Все работы можно условно разделить на четыре группы: 1) обобщающие труды по истории Отечественной войны 1812 г., Крымской войны 1853–1856 гг. и Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.; 2) работы по истории военного духовенства; 3) исследования, посвященные деятельности духовенства в ходе того или иного военного конфликта; 4) труды по истории международных и межцерковных отношений. В каждой из этих групп развитие историографии прошло три периода: дореволюционный, советский и постсоветский.

В общих трудах по истории войн, выполненных дореволюционными исследователями, участие духовенства в рассматриваемых событиях затрагивалось фрагментарно¹. Среди них следует выделить монографию А.М. Зайончковского, где наибольший интерес для поднятой нами проблемы представляет рассмотрение и оценка спора о святых местах. По мнению ученого, за этим спором «во всей своей сложности вставал Восточный вопрос», являющийся, в сущности, «вопросом между Западной Европой и Россией»².

В советский период, в условиях установившейся в стране атеистической идеологии, в обобщающих трудах по истории войн о роли Церкви в изучаемых событиях, как правило, молча-

¹ Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны 1812 года: в 4 ч. СПб., 1840–1843; Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам: в 3 т. СПб., 1859–1860; он же. Восточная война 1853–1856 гг.: в 4 т. СПб., 1876; Зайончковский А.М. Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой: в 2 т. СПб., 1908–1813; Описание Русско-турецкой войны 1877–78 гг. на Балканском полуострове: в 9 т. СПб., 1899–1914; и др.

² Зайончковский А.М. Указ. соч. Т. I. СПб., 1908. С. 385–386.

ли или даже писали нарочито негативно³. Например, в фундаментальном труде Е.В. Тарле «Крымская война» не нашлось места хотя бы для краткого упоминания деятельности духовенства. А спор о святых местах Палестины, лишь вскользь там упомянутый, автор низвел до смехотворного повода, за который ухватились Николай I и Наполеон III для развязывания давно назревавшей войны. Однако при этом обращает на себя внимание оговорка ученого, что вопрос этот «стал быстро приобретать значение борьбы французской и русской дипломатии за влияние на Турцию», и что «в Европе сразу заговорили... о проблеме сил»⁴.

Н.А. Троицкий в монографии «1812. Великий год России» почти не использовал источники, свидетельствующие о деятельности духовенства, тем не менее сделал необоснованный и ошибочный вывод, что «Церковь в Отечественной войне 1812 года скомпрометировала себя перед Россией»⁵.

В трудах по истории войн, изданных в конце XX – начале XXI в., несмотря на отказ от советских идеологических установок, Русской Церкви, как правило, по-прежнему не отводится какого бы то ни было места⁶.

По истории военного духовенства первыми специальными работами стали труды Н. Невзорова⁷ и Т.В. Барсова⁸. Оба автора охарактеризовали историю возникновения ведомства военного духовенства, его структуру и задачи, но не рассматривали непосредственную деятельность полковых священников в конкретно-исторической обстановке.

В начале XX в. развитие темы было стимулировано несколькими юбилеями. К 100-летию обособления военного духовенства от епархиального были изданы работы А.А. Боголюбова⁹ и

³ Тарле Е.В. Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год. М., 1938; *Бескровный Л.Г.* Отечественная война 1812 года. М., 1962; Тарле Е.В. Крымская война: в 2 т. М.-Л., 1941–1943; *Виноградов В.И.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и освобождение Болгарии. М., 1978; и др.

⁴ Тарле Е.В. Крымская война. Т. I. М., 1941. С. 125–127.

⁵ Троицкий Н.А. 1812. Великий год России. М., 1988. С. 216.

⁶ *Безотосный В.М.* Наполеоновские войны. М., 2010; и др.

⁷ Невзоров Н. Исторический очерк управления духовенством военного ведомства в России. СПб., 1875.

⁸ Барсов Т.В. Об управлении русским военным духовенством. СПб., 1879.

⁹ Боголюбов А.А. Очерки из истории управления военным и морским духовенством в биографиях главных священников его за время с 1800 по 1901 гг. СПб., 1901.

Ф.М. Ласкеева¹⁰. К 100-летию образования министерств, когда готовились многотомные книги об истории их деятельности, вышел в свет 13-й том «Столетия военного министерства», посвященный духовенству военного ведомства¹¹.

К 50-летию обороны Севастополя и к 100-летию Отечественной войны 1812 г. были опубликованы сведения о военных пастырях, принимавших участие в этих событиях¹². Обе справочные работы требуют критического подхода, ибо содержат немало фактических ошибок и неточностей. В 1912 г. вышла также брошюра протопресвитера Г.И. Шавельского, рассказывающая о подвигах армейских священников в 1812–1814 гг.¹³

В первые десятилетия советского периода немногочисленные работы по истории военного духовенства носили пропагандистский характер и были направлены на разрушение в обществе прежних представлений о религии¹⁴. Во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., когда произошел поворот государственной власти в сторону Церкви, стало возможно появление более взвешенных работ по проблеме¹⁵.

В постсоветский период, на волне возросшего общественного интереса к истории религии и Церкви, по теме вышли несколько идеологически неангажированных статей, а также монографии С.Ю. Чимарова и В.М. Коткова¹⁶. Первый исследовал опыт формирования системы религиозно-нравственного воспитания в русской армии, второй сделал попытку обобщить имевшийся к тому времени в историографии материал. При этом деятель-

¹⁰ Ласкеев Ф.М. Историческая записка об управлении военным и морским духовенством за минувшее столетие (1800–1900 гг.). СПб., 1900.

¹¹ Столетие военного министерства. 1802–1902. Т. XIII: Управление церквями и православным духовенством военного ведомства. Исторический очерк / Сост. А.А. Желобовский. СПб., 1902.

¹² Каллистов Н., *прот.* Историческая записка о военных пастырях, участвовавших со своими воинскими частями в Крымскую войну при обороне Севастополя и удостоенных особых знаков отличия // Вестник военного духовенства. 1904. № 14. С. 439–447, № 15. С. 469–480, № 16. С. 496–504, № 17. С. 529–540, № 18. С. 559–568; Краткие исторические сведения о священнослужителях воинских частей, участвовавших в Отечественной войне 1812 года. СПб., 1912.

¹³ Шавельский Г.И. Военное духовенство в борьбе России с Наполеоном. М., 1912.

¹⁴ Кандидов Б.П. Религия в царской армии. М., 1929; Василенко В.О. Офицеры в рясах (Духовенство в царской армии). М., 1930; и др.

¹⁵ Шабатин И.Н. Русское православное духовенство в Великой Отечественной войне 1812 года // Журнал Московской Патриархии. 1944. № 5. С. 32–36; и др.

¹⁶ Чимаров С.Ю. Русская Православная Церковь и Вооруженные Силы России в 1800–1917 гг. СПб., 1999; Котков В.М. Военное духовенство России. Страницы истории: в 2 кн. СПб., 2004.

ность армейских пастырей во время большей части войн оба автора рассмотрели очень бегло. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. вообще выпала из поля их зрения. Сведения же об участии полковых священников в Отечественной войне 1812 г. в книге В.М. Коткова являются в основном прямым, часто дословным, заимствованием из работ автора настоящей диссертации с перенесением оттуда и ссылок на архивы¹⁷.

Значительный интерес представляют две справочные работы о военном и морском духовенстве, подготовленные К.Г. Капковым¹⁸.

Труды, посвященные непосредственно роли православного духовного сословия в той или иной войне, в дореволюционный период представлены небольшим количеством научно-популярных брошюр и статей, большая часть которых вышла к 100-летию Отечественной войны 1812 г.¹⁹ Многочисленная литература была посвящена измене архиепископа Могилевского Варлаама (Шишацкого). Обзор историографии этого вопроса дал К.А. Военский, опубликовавший основные документы следственного дела²⁰. В целом же до 1917 г. проблематика не получила достаточной разработки и осмысления, поскольку сама сращенность государственного и церковного аппарата не позволяла увидеть в теме «Церковь и война» отдельного исторического содержания.

В советский период тема почти не затрагивалась. В 1980-е гг. деятельность Церкви в войне 1877–1878 гг. затронул О.А. Яковлев, ограничившийся подсчетом пожертвований духовенства на военные нужды и отметивший, что таковых могло быть гораздо больше, ибо Церковь обладала огромными богатствами²¹; более

¹⁷ Мельникова Л.В. Русская Православная Церковь в Отечественной войне 1812 года. М., 2002; она же. Отечественная война 1812 года и Русская Православная Церковь // Отечественная история. 2002. № 6. С. 27–38.

¹⁸ Капков К.Г. Памятная книга Российского военного и морского духовенства XIX – начала XX веков. Справочные материалы. М., 2008; он же. Священники – кавалеры Императорского Военного ордена св. Великомученика и Победоносца Георгия. М.-Белгород, 2012.

¹⁹ [Муравьев А.Н.] Подвиги Соловецкой обители. СПб., 1855; Никольский А. Лица «Духовного чина» Московской епархии в их служении церкви и Отечеству в 1812 году. М., 1912; Военский К.А. Русское духовенство и Отечественная война 1812 года. М., 1912; и др.

²⁰ Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 года / Под ред. К.А. Военского. Т. III. СПб., 1912. С. 167–269.

²¹ Яковлев О.А. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и русское общество: дис. ... канд. ист. наук. М., 1980.

пространную и взвешенную характеристику этого вопроса дал К.Е. Скурат²².

В постсоветский период отдельные аспекты рассматриваемой темы неоднократно затрагивались в трудах по церковной истории²³.

С.А. Кочуков в своих исследованиях, посвященных восприятию войны 1877–1878 гг. российским обществом, Русской Церкви отвел немного места, однако отметил, что ее участие в войне было «самым активным», а священники «влияли на формирование русского общественного мнения не меньше, чем пресса»²⁴. Специальной работой о роли Церкви в событиях Восточного кризиса 1875–1878 гг. стала кандидатская диссертация С.В. Архипова²⁵. Однако автор ограничился рассмотрением узкого круга вопросов: благотворительной деятельности духовенства в 1875–1878 гг. (традиционно понимаемой им в основном как пожертвования), освещения войны 1877–1878 гг. в газете «Московские епархиальные ведомости» и сооружения Памятника героям Плевны. Ряд важных проблем, имеющих отношение к теме исследования, он оставил в стороне или затронул мимоходом.

Комплексным изучением роли Русской Православной Церкви в Отечественной войне 1812 г., Крымской войне 1853–1856 гг. и Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. стали четыре монографии автора настоящей диссертации, выполненные в процессе многолетней работы над данной научной проблематикой²⁶.

В трудах по истории международных и межцерковных отношений неоднократно затрагивались церковно-политические

²² Скурат К.Е. Русская Православная Церковь в освобождении балканских народов от ига Османской империи // Богословские труды. 1987. Сб. 28. С. 120–174.

²³ Курляндский И.А. Иннокентий (Вениаминов) – митрополит Московский и Коломенский. М., 2002. С. 241–266; Белякова Е.В., Белякова Н.А., Емченко Е.Б. Женщина в православии: церковное право и российская практика. М., 2011. С. 290–294.

²⁴ Кочуков С.А. «За братьев-славян»: русско-турецкая война 1877–1878 гг. в восприятии общества, власти и армии Российской империи. Саратов, 2012. С. 325–335.

²⁵ Архипов С.В. Русская Православная Церковь и Восточный кризис 1875–1878 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2016.

²⁶ Мельникова Л.В. Русская Православная Церковь в Отечественной войне 1812 года. М., 2002; она же. Армия и Православная Церковь Российской империи в эпоху наполеоновских войн. М., 2007; она же. Русская Православная Церковь и Крымская война 1853–1856 гг. М., 2012; она же. Русская Православная Церковь и Русско-турецкая война 1877–1878 гг. М., 2020.

вопросы, предшествовавшие Крымской и Русско-турецкой войнам. Этими вопросами были соответственно спор о святых местах и греко-болгарская церковная распря.

Спор вокруг святых мест Палестины в дореволюционной историографии считался главной, едва ли не единственной, причиной Восточного кризиса 1853 г. Вмешательство Николая I в этот спор признавалось вынужденным и отвечавшим национальным интересам страны, в орбиту которых входила защита восточного православия. Ответственность за развязывание войны возлагалась на Францию и, главным образом, на Великобританию. Эти положения, в частности, были развиты в работах А.Г. Жомини²⁷ и С.А. Жигарева²⁸.

Советская историография практически игнорировала проблему святых мест, низведя ее до формального повода для развязывания военных действий. Ситуация начала меняться после выхода работ В.Н. Виноградова, придавшего этой проблеме гораздо большее значение²⁹. В 1999–2010-х гг. вышло несколько работ, в которых спор о святых местах стал предметом внимательного, объективного изучения³⁰. Среди них следует особо выделить монографию О.В. Анисимова³¹. Автор пришел к выводу, что спор о святых местах стал причиной кризиса 1853 г. и «детонатором» Крымской войны³².

Греко-болгарская церковная распря и решение Константинопольского собора 1872 г. по поводу болгарской схизмы вызвали активный интерес российских современников. «По горячим следам» вышло немало публикаций, из которых наиболее основательными являются работы Т.И. Филиппова и

²⁷ Жомини А.Г. Россия и Европа в эпоху Крымской войны // Вестник Европы. 1886. Кн. 2–10.

²⁸ Жигарев С.А. Русская политика в восточном вопросе (ее история в XVI–XIX веках, критическая оценка и будущие задачи). Историко-юридические этюды: в 2 т. М., 1896.

²⁹ Виноградов В.Н. «Святые места» и земные дела (Англо-русские отношения накануне Крымской войны) // Новая и новейшая история. 1983. № 5. С. 136–152; № 6. С. 129–144; и др.

³⁰ Бушуева С.В. Проблема святых мест в ближневосточной политике Российской империи XIX века: дис. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 1999; Якушев М.И. Иерусалимский Патриархат и святыни Палестины в фокусе внешней политики Российской империи накануне Крымской войны // Православный Палестинский сборник. Вып. 100. М., 2003. С. 245–288; и др.

³¹ Анисимов О.В. Россия и Наполеон III: борьба за Святые места Палестины. М., 2014.

³² Там же. С. 299, 304.

В.А. Теплова³³. Попытки российского посла в Константинополе Н.П. Игнатъева урегулировать греко-болгарский спор кратко затронул А.А. Дмитриевский³⁴. Через столетие эта тема была развита В.М. Хевролиной³⁵. Изучением греко-болгарского церковного вопроса в рамках исследования русской церковной политики на православном Востоке занималась Л.А. Герд, однако ее интересовал в основном более поздний период: с 1878 г. по 1914 г.³⁶

Среди работ по истории международных и межцерковных отношений отдельное место занимают труды Н.Н. Лисовой и И.Ю. Смирновой. В них не рассматриваются непосредственно изучаемые в диссертации вопросы, но представлена широкая картина русского присутствия в Святой Земле и на Ближнем Востоке, показаны церковно-дипломатические отношения великих держав в контексте их взаимодействия и противостояния в данном регионе³⁷.

В зарубежной историографии роль Русской Церкви в войнах России XIX в. отражения практически не нашла. Одним из редких исключений является монография английского ученого Д. Ливена, где рассматриваемая проблема затронута фрагментарно³⁸. В целом же данный вопрос не входит в сферу интересов иностранных коллег, чего нельзя сказать о религиозной политике держав в Святой Земле и на Ближнем Востоке.

Спор о святых местах рассматривается западноевропейскими учеными практически во всех работах, посвященных Восточному вопросу и Крымской войне. Французские исследователи

³³ Филиппов Т.И. Вселенский патриарх Григорий VI и греко-болгарская распря. СПб., 1870; Теплов В.А. Греко-болгарский церковный вопрос по неизданным источникам. СПб., 1889.

³⁴ Дмитриевский А.А. Граф Н.П. Игнатъев как церковно-политический деятель на православном Востоке. СПб., 1909.

³⁵ Хевролина В.М. Николай Павлович Игнатъев. Российский дипломат. М., 2009.

³⁶ Герд Л.А. Россия и греко-болгарский церковный вопрос в 80-90-е годы XIX века // Религии мира: История и современность. М., 2004. С. 304–375; она же. Константинополь и Петербург: церковная политика России на православном Востоке (1878–1898). М., 2006; она же. Россия и греко-болгарский церковный вопрос в 1901–1914 гг. // Исторические записки. 2010. Т. 13 (131). С. 225–273.

³⁷ Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX – начале XX в. М., 2006; Лисовой Н.Н., Смирнова И.Ю. Россия и Святая Земля в первой половине XIX века. Церковная политика на Православном Востоке. М., СПб., 2015; Смирнова И.Ю. Между Западом и Востоком: из истории церковно-дипломатических отношений на Ближнем и Дальнем Востоке. М., 2016.

³⁸ Ливен Д. Россия против Наполеона: Борьба за Европу, 1807–1814 / Пер. с англ. М., 2012.

(П. де ля Горс, Э. Бапст, А. Мале, А. Дебидур и др.), как правило, оправдывают действия Наполеона III, добивавшегося восстановления престижа Франции, и критикуют политику Николая I, который, как они полагают, мог, но не захотел принять компромисс, предлагаемый ему французским императором³⁹. Английские и американские историки оценивают происходившие события по-разному. Одни (А.Дж. Тэйлор, Дж.Ш. Кёртис, Н. Рич и др.) признают важность для России сохранения status quo в вопросе о святых местах и возлагают ответственность за разжигание конфликта на западные державы⁴⁰. Другие (Д. Голдфрэнк и др.) считают религиозно-дипломатический спор несущественным и главную роль в развитии международного кризиса отводят России⁴¹.

В изучение греко-болгарского церковного вопроса среди зарубежных коллег наибольший вклад внесли болгарские исследователи: В.П. Бонева, З. Маркова, патриарх Болгарский Кирилл и др.⁴²

Цель диссертационной работы заключается в подробном, комплексном исследовании и объективной оценке роли Русской Православной Церкви в войнах Российской империи XIX в. (на примере войны 1812–1814 гг., Крымской войны 1853–1856 гг. и Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.), а также места религиозно-дипломатических вопросов в российской внешней политике во время церковно-политических конфликтов на Ближнем Востоке, предшествовавших Крымской и Русско-турецкой войнам.

³⁹ *Gorce, de la P.* Histoire du Second Empire. 7 vol. Paris, 1894–1905. Т. 3; *Bapst E.* Les origines de la guerre de Crimée. La France et la Russie de 1848 à 1854. Paris, 1912; *Мале А.* Восточный вопрос // История XIX века: в 8 т. / Под ред. Э. Лависса и А. Рамбо / Пер. с франц. 2-е изд. Т. 5. М., 1938. С. 200–256; *Дебидур А.* Дипломатическая история Европы: От Венского до Берлинского конгресса (1814–1878): в 2 т. / Пер. с франц. М., 1947; и др.

⁴⁰ *Тейлор А.* Борьба за господство в Европе. 1848–1918 / Пер. с англ. М., 1958; *Curtiss J.Sh.* Russia's Crimean War. Durham, 1979; *Rich N.* Why the Crimean war? A Cautionary tale. Hanover, 1985; и др.

⁴¹ *Goldfrank D.M.* The Origins of the Crimean War. London, 1994; и др.

⁴² *Кирил, патр. Български.* Екзарх Антим (1816–1888). София, 1956; *он же.* Граф Н.П. Игнатиев и българският църковен въпрос. Изследване и документи. Т. 1. София, 1958; *Маркова З.* Българското църковно-национално движение до Кримската война. София, 1976; *она же.* Българската екзархия. 1870–1879. София, 1989; *Бонева В.П.* Българското църковнонационално движение. 1856–1870. Велико Търново, 2010; и др.

Задачи исследования:

1. Прояснить каноническую и практическую позицию Русской Православной Церкви по отношению к войне и воинской службе.

2. Определить положение Русской Церкви в Российской империи XIX в. (ее взаимоотношения с государственной властью, армией и обществом).

3. Проанализировать церковную проповедь периода исследуемых войн: выяснить ее основные положения, показывающие восприятие Церковью противника и происходившего противостояния; определить степень обоснованности проводимой таким образом пропаганды и ее влияния на народные массы.

4. Рассмотреть меры, принимавшиеся Святейшим Синодом во время войн в связи с военными нуждами.

5. Показать место и роль военного и морского духовенства в регулярной армии и на флоте во время исследуемых военных конфликтов. Уточнить список армейских священников и флотских иеромонахов, удостоенных наград за отличия, проявленные на театре военных действий.

6. Выявить случаи участия приходского духовенства и монашества в отражении вооруженного нападения противника или его мародерских отрядов во время Отечественной войны 1812 г. и Крымской войны.

7. Показать ущерб, нанесенный в 1812 г. наполеоновской армией российским православным храмам и монастырям. Определить причины вандализма завоевателей и степень его влияния на русское общество.

8. Рассмотреть «Могилевскую церковную смуту» 1812 г. Определить ее специфику и причины возникновения.

9. Изучить становление и развитие во второй половине XIX в. частной медицинской помощи на театре военных действий, показать роль Церкви в организации общин сестер милосердия и Общества попечения о раненых и больных воинах (с 1879 г. – Российское общество Красного Креста). Исследовать участие общин сестер милосердия в Крымской и Русско-турецкой войнах. Показать роль духовников Крестовоздвиженской общины в сплочении этого учреждения.

10. Исследовать попечение настоятелей русских посольских церквей в Париже и Лондоне о судьбе пленных соотечественников, содержащихся во время Крымской войны во Франции и в Великобритании.

11. Рассмотреть дипломатический спор Франции и России о святых местах Палестины, определить его место и характер в предыстории Крымской войны.

12. Показать сущность греко-болгарского церковного спора, а также попытки русской церковной и светской дипломатии урегулировать этот конфликт.

13. Определить место и роль духовенства в российском «славянском движении» на начальном этапе Восточного кризиса (1875–1876 гг.).

14. Исследовать новый диалог между Константинопольской Патриархией и российским Святейшим Синодом по поводу болгарской схизмы, возникший в 1878–1879 гг. в связи с совместными богослужениями, проводимыми русскими армейскими священниками с болгарским духовенством во время Русско-турецкой войны.

15. Выявить и охарактеризовать церковные памятники, установленные в честь исследуемых войн.

Источниковая база исследования

Исследование основано на широком комплексе разнообразных исторических источников, которые можно условно поделить на две группы: архивные материалы и опубликованные документы.

Первая группа включает в себя около 300 документов, выявленных в 32 фондах 9 российских и 1 зарубежного архивохранилищ. В число последних входят: Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), Российский государственный исторический архив (РГИА), Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), Российский государственный архив древних актов (РГАДА), Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ), Центральный государственный архив города Москвы (ЦГА Москвы), Архив города Севастополя (АГС), Библиотека Императорского Православного Палестинского Общества (Библиотека ИППО), Архив Русской Духовной Миссии в Иерусалиме (АРДМ; Израиль, Иерусалим). Значительная часть выявленных источников впервые вводится в научный оборот.

Основными источниками, отражающими сущность и развитие церковно-политических конфликтов на Ближнем Востоке, являются документы АВПРИ, отложившиеся в фондах: «Отчеты МИД России» (ф. 137), «Канцелярия министра иностранных дел» (ф. 133), «Посольство в Константинополе» (ф. 180), «Политиче-

ские донесения по Ближнему и Среднему Востоку. Санкт-Петербургский Главный архив, V-A 2», (ф. 161/1), «Политический отдел Санкт-Петербургского Главного архива» (ф. 161/3).

Ряд документов АВПРИ из фондов «Департамент личного состава и хозяйственных дел» (ф. 159), «Российское посольство в Париже» (ф. 187) и «Российское посольство в Лондоне» (ф. 184) содержат информацию о жизни и деятельности настоятелей русских посольских церквей во Франции и Великобритании.

Основной комплекс документов, касающихся деятельности Русской Церкви во время всех исследуемых войн, сосредоточен в РГИА в фондах: «Канцелярия Святейшего Синода» (ф. 796), «Канцелярия обер-прокурора Святейшего Синода» (ф. 797), «Хозяйственное управление Святейшего Синода» (ф. 799), «Духовное правление при протопресвитере военного и морского духовенства» (ф. 806).

В РГИА проработан также фонд «Комитет по сооружению православного храма у подножия Балкан в Южной Болгарии для вечного поминовения воинов, павших в войну 1877–1878 гг., при Синоде» (ф. 819). Материалы о сооружении церковных памятников в честь победы в Отечественной войне 1812 г. отложились, в частности, в фонде «Рукописи Святейшего Синода. Коллекция» (ф. 834). Масштаб ущерба, нанесенного в 1812 г. московским монастырям, в значительной мере установлен по документам, хранящимся в личном фонде митрополита Московского Филарета (Дроздова) (ф. 832).

Существенный пласт документов по всем войнам Российской империи содержится в РГВИА в фонде «Военно-ученый архив» (ф. 846. ВУА). Особый интерес представляет хранящийся там архив А.И. Михайловского-Данилевского, содержащий документы, собранные исследователем во время написания истории войны 1812 года. В личном фонде А.М. Зайончковского (ф. 69) находятся собранные ученым материалы по Крымской войне. В РГВИА изучены также фонды «Южная и Крымская армии» (ф. 9196) и «Главное управление Российского общества Красного Креста» (ф. 12651).

В ГА РФ были использованы документы из личного фонда Н.П. Игнатьева (ф. 730). Материалы фондов «Третье отделение Собственной ЕИВ Канцелярии» (ф. 109) и «Московский славянский благотворительный комитет» (ф. 1750) отражают роль духовенства в российском «славянском движении» середины 1870-х гг.

В ГА РФ хранится также личный фонд великой княгини Елены Павловны (ф. 647), основательницы Крестовоздвиженской общины. Содержащиеся в нем документы дополняются хранящимся в Библиотеке ИППО собранием писем разных лиц к иеромонаху Вениамину (Лукьянову), выполнявшему в 1854–1856 гг. обязанности духовника общины. Общую информацию о его жизненном пути дают документы из АРДМ в Иерусалиме.

В ОР РНБ находится личный фонд архиепископа Херсонского и Таврического Иннокентия (Борисова) (ф. 313), в котором хранится 9-томное собрание писем, более 500 из которых относятся ко времени Крымской войны. Интерес представляет также сборник документов, писем и статей о Крымской войне, находящийся в фонде «Собрание Санкт-Петербургской Духовной академии» (ф. 573) ОР РНБ.

Материалы, отражающие меры, принятые духовенством Московской епархии в связи с военными нуждами во время войн, представлены в фонде «Московская духовная консистория» (ф. 203) ЦГА Москвы.

В фондах «Троице-Сергиева лавра» (ф. 1204) и «Николаевский Угрешский мужской монастырь» (ф. 1205) РГАДА отложились документы, показывающие устройство и работу военновременных госпиталей, учрежденных в этих обителях во время войны 1877–1878 гг. Фонд «Чудов мужской монастырь» (ф. 1207) содержит материалы о пожертвованиях московских монастырей.

В работе использованы материалы из фонда «Коллекция документов по истории г. Севастополя» (ф. Р-567) АГС, характеризующие участие в обороне города иеромонахов Балаклавского Георгиевского монастыря.

Вторую группу источников составляют многочисленные опубликованные материалы. Прежде всего это законодательные акты Российской империи и международные договоры, заключенные после окончания вооруженных столкновений, а также воззвания Синода и речи церковных иерархов по поводу военных событий.

Важное место занимают сборники документов, посвященные исследуемым в диссертации войнам⁴³. Использовались также

⁴³ Отечественная война 1812 года. Материалы Военно-ученого архива Главного штаба. Отд. I: в 21 т. СПб., 1900–1914; Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И. Щукиным: в 10 ч. М., 1897–1908; Сборник известий, относящихся до настоящей войны, издаваемый с Высо-

тематические сборники документов, посвященные церковно-политическим проблемам на Ближнем Востоке, тесно связанным с исследуемой темой⁴⁴, а также сборники материалов по истории Болгарского экзархата в 1870-е гг.⁴⁵

Ценнейшим комплексом опубликованных источников являются документы личного происхождения – письма, воспоминания, дневники очевидцев и участников событий. Среди них довольно содержательны личные материалы дипломатов и государственных деятелей (Н.П. Игнатьева, Д.А. Милютина и др.), еще более информативны мемуары и эпистолярное наследие непосредственных участников событий: полковых священников, воинов русской армии, врачей, сестер милосердия, лиц, находившихся в районе боевых действий, на оккупированной территории или в плену. Для исследуемой темы также важны воспоминания представителял противоборствующей стороны.

Автор широко использовал церковную и светскую периодическую печать XIX в.

Методологические подходы и методы исследования

Диссертационная работа базируется, прежде всего, на основополагающих для исторической науки принципах историзма, научной объективности и системности. Первый из этих принципов предполагает изучение явлений и процессов в их развитии и в связи с историческим контекстом эпохи. Принцип научной объективности требует от исследователя отказа от идеологической ангажированности и проведения непредвзятого анализа всей полноты источников независимо от их соответствия или несоответствия его научной концепции. Наконец, принцип системности предполагает рассмотрение исторических явлений в их взаимной связи, с учетом разносторонних причинно-следственных связей, что дает возможность реконструировать целостную картину прошлого. Применительно к исследуемой проблематике это означает, что роль Русской Церкви в ходе рас-

чайшего соизволения Н. Путиловым: в 33 кн. СПб., 1854–1859; Сборник материалов по Русско-турецкой войне 1877–78 гг. на Балканском полуострове: в 97 вып. СПб., 1898–1911; Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы: в 3 т. / Под ред. С.И. Никитина и др. М., 1961–1967; и др.

⁴⁴ Popoff A., *prot.* La question des Lieux Saints de Jérusalem dans la correspondance diplomatique Russe du XIXe siècle. 2 vol. SPb., 1910–1911.

⁴⁵ Българската Православна Църква и освобождението на България от османско робство. Документален сборник по случай 110-години от Освобождението. София, 1989; Българската екзархия: сборник документи от архивните фондове на Народна библиотека «Иван Вазов». Пловдив, 2003.

сма­три­вае­мых воен­ных кон­флик­тов изу­че­на на ос­но­ве кри­ти­че­ско­го ана­ли­за мно­го­чис­лен­ных и раз­но­об­раз­ных ис­точ­ни­ков, ис­хо­дя из кон­крет­ных ус­ло­вий той или ино­й эпо­хи и с уче­том про­ис­хо­див­ших из­ме­не­ний как на ме­ж­ду­на­род­ной ар­е­не, так и во внут­рен­ней жи­зни стра­ны.

В дис­сер­та­ци­он­ной ра­бо­те на­шли при­ме­не­ние как об­ще­на­уч­ные ме­то­ды ис­сле­до­ва­ния (о­пи­са­тель­ный, ста­ти­сти­че­ско­го ис­сле­до­ва­ния, ана­ли­за и син­те­за), так и спе­ци­аль­но-ис­то­ри­че­ские ме­то­ды. Из по­след­них ис­поль­зо­ва­лись ис­то­ри­ко-ге­не­ти­че­ский ме­то­д (ис­сле­до­ва­ние ис­то­ри­че­ских из­ме­не­ний рас­сма­три­вае­мых про­цес­сов, ус­та­но­в­ле­ние при­чин­но-сле­д­ствен­ных свя­зей) и ис­то­ри­ко-срав­ни­тель­ный (при­ме­ня­лся для со­по­став­ле­ния как од­но­тип­ных яв­ле­ний, так и ис­точ­ни­ков, по­ве­ст­вую­щих об од­ном и том же со­бы­тии). Ши­ро­ко ис­поль­зо­ва­лись та­же ис­то­ри­ко-био­гра­фический и ми­кро­ис­то­ри­че­ский ме­то­ды. Об­ра­ще­ние к жи­зни как «глав­ных», так и «рядовых» дей­ст­вую­щих лиц ис­то­ри­че­ско­го ис­сле­до­ва­ния по­зво­ли­ло не толь­ко по­ка­зать роль лич­но­ст­но­го фак­то­ра в рас­сма­три­вае­мых со­бы­ти­ях, но и пред­ста­вить изу­чае­мую ре­аль­ность во всем ее мно­го­об­разии и пол­но­те. Ра­бо­та по­стро­ена по про­блем­но-хро­но­ло­гическому прин­ци­пу, что по­зво­ли­ло по­ка­зать ис­сле­дуе­мую ис­то­ри­че­скую про­бле­му в ее це­лост­ности и ди­на­мическом раз­ви­тии.

Научная новизна исследования:

1. Дис­сер­та­ция пред­ста­вляет со­бой пер­вое в от­ечес­твен­ной и ми­ро­вой ис­то­ри­о­гра­фии ком­плекс­ное ис­сле­до­ва­ние ро­ли Рус­ской Пра­во­слав­ной Церк­ви в вой­нах Рос­сий­ской им­пе­рии XIX в.

2. В про­цес­се ра­бо­ты над те­мой бы­ло вы­яв­ле­но око­ло 300 ар­хив­ных до­ку­мен­тов, зна­чи­тель­ная часть ко­то­рых впер­вые вво­дится в на­уч­ный обо­рот.

3. Мно­гие а­спек­ты ис­сле­дуе­мой в дис­сер­та­ции на­уч­ной про­бле­мы яв­ля­ются пер­вым опы­том их раз­ра­бот­ки в ис­то­ри­о­гра­фии. К ним от­но­сят­ся: вклад Рус­ской Церк­ви в соз­да­ние «чер­ной ле­ген­ды» о На­по­ле­оне; уча­стие ду­хов­ен­ства в фор­ми­ро­вании на­род­ных опол­че­ний 1812 г. и 1855 г.; дея­тель­ность на­сто­я­те­лей рус­ских по­со­ль­ских церк­вей в Па­ри­же и Лон­доне про­то­иере­ев И. Ва­силье­ва и Е. По­пова, на­прав­лен­ная в го­ды Крым­ской вой­ны на по­пече­ние о рос­сий­ских воен­но­плен­ных; уча­стие в Крым­ской вой­не ду­хов­ни­ков Крестовоз­дви­жен­ской об­щи­ны, их функ­ции и зна­че­ние в дан­ном уч­ре­жде­нии; про­повед­ни­че­ская дея­тель­ность рус­ских пра­во­слав­ных и фран­цуз­ских като­ли­че­

ских иерархов в годы Крымской войны; духовная жизнь осажденного Севастополя; роль Церкви в создании и функционировании Общества попечения о раненых и больных воинах, ставшего главным центром частной помощи во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., и др.

4. Автором диссертации расширен и уточнен составленный дореволюционными исследователями список армейских священников и флотских иеромонахов, награжденных за отличия во время военных действий в ходе войны 1812–1814 гг. и Крымской войны 1853–1856 гг.; на основе архивных материалов впервые составлен список представителей военного духовенства, получивших награды за отличия в ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

5. В диссертации впервые прослеживается связь между российской политикой в греко-болгарском церковном вопросе конца 1850-х – начала 1870-х гг. и событиями Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

6. Проведенное комплексное исследование и введение в научный оборот большого массива разнообразных источников сделало возможным расширить и углубить имевшиеся в историографии научные знания практически по всем аспектам рассматриваемой проблемы, внести фактические уточнения по ряду вопросов.

7. Полученные выводы позволяют под новым углом зрения взглянуть на войны Российской империи XIX в., которые, по мнению автора диссертации, были не только политической борьбой государств, но и духовно-религиозным противостоянием разных цивилизаций.

Положения, выносимые на защиту:

1. Русская Православная Церковь, в соответствии с христианским вероучением, считает войну несомненным злом (физическим проявлением скрытого духовного недуга человечества – братоубийственной ненависти). При этом Русская Церковь не запрещает своим чадам участвовать в войнах в защиту православной веры, Отечества и единоверцев; более того, признает такие противостояния священными, а погибающих в них воинов – совершающими подвиг жертвенной христианской любви.

2. Роль Русской Церкви в войнах Российской империи XIX в. определялась тем положением, которое она занимала в государстве. Святейший Синод, фактически включенный в систему государственного управления, был тесно связан с монархической

властью общими задачами и приоритетами. Как институт основного вероисповедания страны Русская Православная Церковь в той или иной мере была интегрирована во все основные сферы российской национальной государственности: социально-политическую, культурно-просветительскую, внешнеполитическую и военную. Православие являлось идеологической и духовной основой империи и одним из важнейших факторов, определявших мировоззрение русского народа. Церковь оказывала существенное влияние на формирование общественного мнения, а военное духовенство выполняло задачи как духовного кормления, так и религиозно-патриотического воспитания российского воинства.

3. Война 1812–1814 гг. (особенно – Отечественная война 1812 г.) была не только военно-политическим столкновением государств, но также конфликтом двух цивилизаций, имевшим ярко выраженную духовно-религиозную составляющую. Многие современники воспринимали происходившее как противостояние православной России и «безбожной», «дехристианизированной» в результате революционных потрясений Франции. В немалой степени подобному восприятию способствовала активная позиция Русской Церкви. В воззваниях Синода, проповедях иерархов и приходских священников отмечался освободительный, священный характер войны, подчеркивалась безбожная, а порой даже «демоническая» сущность Наполеона и проводилась мысль, что России Богом предназначено остановить кровавый путь французского императора, спасти от него Россию и освободить Европу. Религиозная риторика активно использовалась также государственными деятелями, поэтами и публицистами. Церковная и светская пропаганда, формировавшая негативный образ врага, или «черную легенду» о Наполеоне, несмотря на имевшие место преувеличения, опиралась на реальные исторические факты и представляла собой довольно мощное идеологическое оружие.

4. Справедливость антинаполеоновской церковной проповеди о безбожии противника и необходимости защиты святой веры была подтверждена в глазах народа поведением солдат Великой армии, грабивших и осквернявших православные храмы и монастыри. Такое впечатление на русское общество произвела судьба московских святых. Вандализм завоевателей вызвал взрыв всеобщего негодования и способствовал расширению движения народного сопротивления, имевшего огромный

размах на территории центральных губерний Российской империи.

5. Ситуация в западных районах (Литве, Белоруссии и Польской Украине), вошедших в состав России за 20–40 лет до войны 1812 года в результате разделов Польши, имела свою специфику. Последствиями четырехвекового «ополячивания» и «окатоличивания» местного населения, а также сложной политики Александра I и Наполеона I в польском вопросе стали практическое отсутствие в западном крае движения народного сопротивления и даже открытый переход на сторону противника части местных духовных и светских властей. Тем не менее массовой поддержки со стороны народных масс и приходских священников Великая армия Наполеона там не получила.

6. Среди большого комплекса причин Крымской войны 1853–1856 гг. важное место занимает церковно-политический фактор. Спор о святых местах Палестины, переросший в международный кризис, который, в свою очередь, вылился в войну, был проявлением соперничества России и Франции за политическое влияние в Турции. Для Николая I участие в этой религиозно-дипломатической дуэли определялось не только геополитическими интересами страны, но и убеждением в предназначении православной империи как гаранта прав Вселенской Православной Церкви.

7. Крымская война 1853–1856 гг. была религиозно-цивилизационным противостоянием России и Западной Европы. Религиозный характер войны постоянно подчеркивался в проповедях как русских православных, так и французских католических иерархов. Одним из проявлений противостояния такого рода стала, в частности, политическая и религиозная пропаганда, активно проводимая католическим духовенством (особенно – польского происхождения) среди российских военнопленных с целью заставить их изменить веру и перейти на службу противнику, а также настойчивый отказ инославных священников отпевать умерших в плену православных воинов.

8. В годы военных конфликтов русское духовенство, находившееся на территории стран-противников, старалось по возможности сохранить там свое физическое и духовное присутствие: настоятели русских посольских церквей в Париже и Лондоне протоиереи И. Васильев и Е. Попов во время Крымской войны остались во Франции и Англии, где оказывали духовное попечение и материальное вспомоществование российским военнопленным; иноки Русского Свято-Пантелеимонова монастыря

ря, находившегося в юрисдикции Константинопольского Патриархата, но считавшегося российской дипломатией одной из важных опорных точек политики России на Ближнем Востоке, во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. не покинули Святую Гору.

9. Военное и морское духовенство являлось духовной опорой и неотъемлемой частью российской армии и флота. Во время всех войн армейские священники и флотские иеромонахи, помимо исполнения своих прямых обязанностей (отправления богослужений, исполнения духовных треб, проведения пастырских бесед), принимали участие в сражениях, где нередко, вставая впереди с крестом в руке, подавали своей пастве примеры героизма и самоотверженности, а также оказывали помощь раненым на перевязочных пунктах. Деятельность военного духовенства восстанавливала душевное равновесие офицеров, солдат и матросов, укрепляла их боевой дух.

10. Во время Отечественной войны 1812 г. и Крымской войны священнослужители епархиального ведомства, находившиеся на территории, охваченной военными действиями, оказывали духовную помощь русским войскам и нередко принимали непосредственное участие в отражении неприятеля (наиболее яркий пример – оборона Соловецкого монастыря 6–7 июля 1854 г. от нападения английской эскадры).

11. Во время всех войн Русская Церковь выступала в тесном единстве с государственной властью и обществом. Важным вкладом духовенства в общее дело борьбы с врагом становились различные меры, направленные на военные нужды: участие в организации народных ополчений 1812 г. и 1855 г., сотрудничество в 1877–1878 гг. с Обществом попечения о раненых и больных воинах (сбор денежных средств, изготовление корпии, пополнение рядов сестер и братьев Красного Креста, организация госпиталей в обителях) и др.

12. Задачей духовенства в годы войн становилось также поддержание спокойствия в помещичьих имениях, а во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. – в районах, населенных мусульманами. Иногда действия духовенства в данном направлении не венчались успехом: весной 1855 г. в некоторых губерниях (главным образом – в Киевской) в связи с неправильным истолкованием царского манифеста об ополчении прошли крестьянские волнения, в ходе которых пострадали десятки священников.

13. Церковь сыграла определенную роль в создании общин сестер милосердия и Общества попечения о раненых и больных воинах. Присутствие священников на перевязочных пунктах и в госпиталях оказывало существенную помощь врачам и сестрам и благотворно действовало на раненых. Становление в России частной медицинской помощи на театре военных действий было тесно связано с религиозными вопросами, о чем ярко свидетельствует опыт Крестовоздвиженской общины сестер попечения о раненых, ставшей прообразом Красного Креста.

14. Греко-болгарская церковная распря, являвшаяся первым этапом борьбы болгарского народа за независимость, создала определенные предпосылки для Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.: болгарская схизма 1872 г., вызвав противоположные мнения в российском обществе, в целом обеспечила в нем рост панславистских настроений, пик которых пришелся на время Восточного кризиса 1875–1878 гг., вылившись в так называемое российское «славянское движение», ставшее одним из факторов, склонивших Александра II к вооруженному вмешательству в балканские события.

15. В греко-болгарском церковном споре Россия, исходя из принципа единства православия на Востоке, не могла «выбрать» какую-то одну из конфликтовавших сторон. Поэтому и светская, и церковная дипломатии с помощью ряда довольно осторожных шагов старались сначала примирить противников путем взаимных уступок и достижения компромисса, а затем – добиться канонического признания независимости Болгарской Церкви. Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Русская Церковь оказала духовную поддержку болгарам, что вызвало напряженность в ее отношениях с Константинопольским Патриархатом. В 1879 г. российский Святейший Синод впервые был вынужден официально заявить Вселенскому патриарху, что не признает болгар схизматиками, но, опасаясь дальнейшего осложнения межцерковных отношений с Константинополем, все же не поддерживал с Болгарской Церковью полного канонического общения.

16. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. воспринималась Русской Церковью и российским обществом как священная борьба за освобождение единоверных славян Балканского полуострова от турецкого исламского ига. На начальном этапе Восточного кризиса (1875–1876 гг.) русское духовенство наряду со Славянскими комитетами фактически встало во главе российского «славянского движения».

17. В соответствии с русской православной традицией для увековечения памяти воинов, павших в рассмотренных войнах России, а в ряде случаев – главным образом, для выражения благодарности Богу за помощь в одержании победы были сооружены многочисленные храмы-памятники. Наибольшее количество церковных памятников было воздвигнуто в честь Отечественной войны 1812 г., занявшей особое место в исторической и культурной памяти русского народа.

18. Роль Русской Церкви в войнах Российской империи XIX в. была очень важной. Она не ограничивалась фактами непосредственного участия представителей духовного сословия в основных событиях, а была неразрывно связана с духовной жизнью всего русского общества.

Теоретическая и практическая значимость работы заключается в том, что ее материалы и выводы могут быть использованы при подготовке обобщающих научных трудов, учебных пособий и лекционных курсов по истории России и Русской Православной Церкви, а также специальных исследований по проблеме «Армия и Церковь». Результаты диссертации должны способствовать более глубокому изучению войн Российской империи в XIX в.

Достоверность и апробация результатов исследования

Достоверность результатов диссертационного исследования определяется использованием широкого круга источников официального и личного происхождения (материалы 32 фондов 10 архивохранилищ, а также большое количество опубликованных документов).

Основные результаты исследования нашли отражение в 4 индивидуальных монографиях (общим объемом 97,6 п.л.), 1 коллективной монографии (авторский вклад 8 п.л.), 60 научных статьях (общим объемом 55,4 п.л.) на русском, французском, английском и португальском языках (из которых 16 статей вышли в журналах, рекомендованных ВАК при Минобрнауки РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора наук, 12 из них входят также в международные базы научного цитирования Web of Science и Scopus).

Монография «Армия и Православная Церковь Российской империи в эпоху наполеоновских войн» (М., 2007) в 2007 г. была удостоена Макариевской премии.

Выводы и положения, выносимые на защиту, были представлены автором в докладах на 33 Всероссийских и Международных научных конференциях в Москве, Санкт-Петербурге, Париже, Кане, Межотне, Минске, Саратове, Калуге, Великом Новгороде, Бородино, Багратионовске.

Диссертация обсуждена в Центре истории религии и Церкви Института российской истории РАН и рекомендована к защите.

Структура диссертации определяется проблемно-хронологическим принципом, поставленными целями и задачами. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, списка источников и литературы и приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновываются актуальность темы, объект и предмет диссертационного исследования, обозначаются хронологические и территориальные рамки, формулируются цель и задачи исследования, выявляется степень научной разработанности проблемы, характеризуются источниковая база и методология, определяются научная новизна, практическая значимость, достоверность и апробация работы, содержатся положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Позиция Русской Церкви по отношению к войне и воинской службе. Русская Церковь и государство в XIX веке» разделена на три параграфа. В *первом параграфе* (1.1. Отношение к войне и ратному служению в русской православной традиции) для прояснения канонической и практической позиции Православной Церкви по вопросам войны и воинской службы сделан небольшой исторический и историко-богословский экскурс. Анализ текстов Библии и церковных канонов свидетельствует о том, что христианство, считая войну несомненным злом, а убийство – одним из самых тяжелых грехов, при этом не закрывает воинам, убившим врага на поле битвы, путь к спасению души. С первых веков существования христианства церковные каноны (Постановления Вселенских и Поместных соборов, правила святых апостолов и святых отцов), осуждая совершивших убийство на отлучение от причастия от 10 до 20 лет, делали все же существенные исключения для воинов, убивших противника на войне. Рассмотрение канонической и практической позиции непосредственно Русской Церкви, нашедшей отраже-

ние в письменных памятниках (летописях и трудах церковных иерархов), иконографии, агиографии, литургическом творчестве и храмовой архитектуре, показывает, что Россия в данном отношении пошла дальше Византии: начиная с XII в., в русской православной традиции не воспроизводилась прямо «византийская модель», а создавалась новая идеология «священной войны», согласно которой воинское служение считалось святым и праведным, войны в защиту православной веры, Отечества и единоверцев признавались священными, а гибель в них приравнивалась к пролитию мученической крови.

Во *втором параграфе* (1.2. Положение Русской Церкви в Российской империи XIX века) рассматриваются структура Русской Православной Церкви, органы церковного управления, связь Церкви с государственной властью и обществом. Подчеркивается, что в XIX в. Россия являлась поликонфессиональным государством, но при этом *православной империей*. Как институт основного вероисповедания страны Русская Православная Церковь в той или иной мере была интегрирована во все основные сферы российской национальной государственности, а высший орган церковного управления – Святейший Правительствующий Синод, фактически включенный в систему государственного управления, был тесно связан с императорской властью общими задачами и приоритетами. Православие являлось идеологической и духовной основой Российской империи и одним из важнейших факторов, определявших мировоззрение русского народа. Первенствующее положение православия в Российской империи с 1797 г. закреплялось в законодательстве, где оно называлось религией, «господствующей в государстве», с 1832 г. – «первенствующей и господствующей». Закон также прямо указывал на обязательную принадлежность к православной вере российского императора. В народном сознании самодержец был Помазанником Божиим и сами понятия веры, царя и Отечества были тесно связаны между собой. Непосредственное общение Церкви и государственной власти с народом осуществлялось через храмы, где читались Высочайшие манифесты, речи и проповеди церковных иерархов и приходских священников. Наиболее ярко идеологическая роль Церкви проявлялась в армии и на флоте, где духовное окормление и религиозно-патриотическое воспитание воинских чинов велось силами военного и морского духовенства.

В *третьем параграфе* (1.3. Место и роль военного и морского духовенства в российской императорской армии и на флоте) кратко рассматриваются история возникновения и развития ведомства военного духовенства, его структура и органы управления. Охарактеризованы задачи и непосредственная деятельность полковых священников и флотских иеромонахов, а также система предусмотренных для них наград. Подчеркивается, что присутствие священнослужителей в армии и на флоте во время войн имело важное значение для воинов, так как огромная напряженность военной работы, постоянные опасности и возможная гибель требовали духовной поддержки. Анализируя религиозные беседы и проповеди военных пастырей, автор показывает, что с их помощью солдатам и матросам объяснялись такие важные проблемы, как необходимость военной службы и неизбежность войн, возможность сочетания вооруженной борьбы с врагом и спасения своей души, обязанности воина на поле брани и в мирное время, отношение к императору, друг к другу и к противнику, важность и значение присяги, знамен, оружия и др. Внимание солдат акцентировалось не только на том, что убийство противника на войне грехом не является, но и на том, что неприятель – «брат по плоти», поэтому, убивая его, свою должность нужно исполнять без ожесточения, а поверженному врагу следует даровать пощаду; внушалось уважительное отношение и к иноверческим храмам противника. Православная вера санкционировала и определяла правомерность и праведность применения вооруженной силы, а также нормы поведения и духовный облик российского воинства. Духовно стабилизируя каждого солдата и армию в целом, Церковь была серьезной силой в деле обеспечения национальной безопасности.

Вторая глава «Православная Россия против “безбожной” Франции: Русская Церковь и война 1812–1814 гг.» посвящена исследованию роли Церкви в борьбе России с наполеоновской Францией. В *первом параграфе* (2.1. Начало борьбы с Наполеоном. Вклад Церкви в антинаполеоновские пропагандистские кампании 1806–1807 гг. и 1812–1814 гг.) изучена антинаполеоновская церковная проповедь, ставшая важной частью «информационной войны», развернутой Александром I против французского императора с целью настроить против него общественное мнение как в России, так и в Западной Европе. Пропаганда активно применялась обеими противоборствующими сторонами в качестве идеологического оружия, при этом России

удалось выиграть эту «войну перьев». При характеристике «образа врага», занимавшего важное место в распространявшейся информации, русская антинаполеоновская пропаганда (как церковная, так и светская) всегда опиралась на реальные исторические факты, но при этом, по законам жанра, часто использовались приемы преувеличения (гипербола, гротеск, ирония).

Первую антинаполеоновскую пропагандистскую кампанию Александр I начал после разгрома российско-австрийских войск под Аустерлицем, развала 3-й и создания 4-й коалиции, когда опасался переноса военных действий на территорию России, а также срыва нового альянса. Русская Церковь сразу придала противоборству религиозный характер. В объявлении Синода, читавшемся во всех храмах страны, Наполеон представлялся не только как узурпатор и поработитель человечества, но и как отступивший от Бога гонитель Христианской Церкви. Отмечались его прагматичные манипуляции с религией – участие в революционных «идолопоклоннических празднествах», желание принять ислам во время Египетской кампании. Особое внимание обращалось на предстоявший созыв в Париже Великого синодального совета, что рассматривалось как попытка провозгласить «лжемессию». Подобная интерпретация, по мнению автора, имеет прямое отношение к рождению легенды о демонической сущности Наполеона. Вскоре не только в России, но также в Германии и Испании поползли толки об Антихристе.

После заключения Тильзитского мира антинаполеоновская пропаганда временно прекратилась. С началом Отечественной войны 1812 г. она возобновилась с новой силой. Автор анализирует воззвание Синода, речи и проповеди иерархов и приходских священников. В них подчеркивалась «безбожная», даже «демоническая» сущность противника и проводилась мысль, что России самим Богом предназначено спасти от Наполеона Россию и освободить Европу.

Те же идеи и религиозная фразеология активно использовались для военной пропаганды и светскими лицами: государственными деятелями, представителями науки и культуры. Автор анализирует Высочайшие манифесты, письмо профессора В.-Ф. Гецеля военному министру М.Б. Барклаю де Толли (где в имени и титуле Наполеона высчитывалось «звериное число 666» и предсказывалось его падение в 1812 г.), памфлеты, поэзию и карикатуры. Показано, что через всю антинаполеоновскую пропаганду «красной нитью» проходило противопоставление «безбожной»

Франции и православной, руководствующейся велениями нравственности России, а в противовес образу «демона» Наполеона складывался образ «ангела» Александра I. Подчеркивается, что эти идеи соответствовали восприятию происходившего многими современниками. Гонения на Церковь времен Великой французской революции, беспринципная церковная политика Наполеона, приведшая его в 1809 г. к отлучению от Церкви, создавали ощущение некоего духовно-религиозного мятежа, поднятого французским императором против христианства.

Церковная и светская пропаганда стала одной из наиболее эффективных мер, выработанных Церковью и правительством для борьбы с иноземным вторжением. Наложившись на кощунственное поведение завоевателей, грабивших и осквернявших православные храмы, она вызвала в русском народе небывалый религиозно-патриотический подъем.

Во *втором параграфе* (2.2. Духовенство и народная война) рассматривается участие духовенства в организации народного ополчения и движении сопротивления на оккупированной территории. Определен денежный вклад духовенства в формирование ополчения, а также численность представителей духовного сословия (в основном церковнослужителей и семинаристов), вступивших в его ряды. Показано участие в походах отрядов ополчения священников, выполнявших те же функции, что и военное духовенство в регулярной армии. Освещена деятельность приходских священно- и церковнослужителей на оккупированной территории центральных губерний России. Она заключалась в ободрении прихожан, защите церковного имущества от мародеров, совершении богослужений, проведении патриотической работы по организации движения сопротивления, вплоть до руководства крестьянскими отрядами самообороны. Во время защиты храмов от разграбления десятки священно- и церковнослужителей погибли. Показан ущерб, нанесенный наполеоновской армией православным святыням центральных губерний. Подчеркивается, что вандализм завоевателей, грабивших православные храмы и истязавших священнослужителей, способствовал усилению народной войны. В некоторых местах имели место случаи измены со стороны духовенства и антифеодальные крестьянские выступления, однако в центральной России подобные явления носили эпизодический характер.

В *третьем параграфе* (2.3. Русская Церковь в западных губерниях Российской империи. «Могилевская церковная смута»)

проанализировано поведение в 1812 г. православного духовенства Западного края России и его влияние на местное население. В западных районах империи (Литве, Белоруссии и Польской Украине), вошедших в состав России за 20–40 лет до войны 1812 г. в результате разделов Польши, движение народного сопротивления практически отсутствовало, а часть местных духовных и светских властей открыто перешла на сторону противника. Причинами этого явления, по мнению автора, были относительно недолгое пребывание западных губерний в составе Российской империи, последствия многолетнего вхождения данных земель в состав Польши (в частности, фактическое слияние русско-литовской знати с католической польской шляхтой, многовековое феодальное и религиозное угнетение крестьян), а также сложная политика Александра I и Наполеона в польском вопросе. При этом массовой поддержки со стороны народных масс и рядового духовенства наполеоновская армия в Западном крае не получила: крестьяне, как правило, оказывали противнику «пассивное сопротивление», а приходские священники проводили политику невмешательства, за исключением части могилевского духовенства, присягнувшего Наполеону по предписанию архиепископа Варлаама (Шишацкого). Подробно рассматривается измена Варлаама и побудившие его к этому мотивы. Показан ущерб, нанесенный наполеоновской армией православным храмам и монастырям западных губерний. Последний был значительно меньше, чем в центральной России, но тем не менее имел место.

Четвертый параграф (2.4. Военное духовенство в регулярной армии) посвящен деятельности армейских пастырей во время войны 1812–1814 гг. Приводятся данные о численности полковых священников, их возрасте, уровне образования, полученных ими наградах за отличия во время войны, о числе раненых и погибших. Рассказывается о подвигах и интересных событиях из жизни наиболее отличившихся армейских пастырей. Показано пребывание в 1812 г. в русской армии Смоленской иконы Божией Матери, значение этого события для воинов. Сравнивается духовный настрой русской и наполеоновской армий накануне Бородинского сражения.

В *пятом параграфе* (2.5. Победа над наполеоновской Францией. Александр Благословенный) рассматривается роль Александра I на завершающем этапе войны 1812–1814 гг., восприятие его личности и складывание его образа в сознании совре-

менников. Показано, что победа над Наполеоном была воспринята многими как результат действия Божественного Промысла, избравшего своим орудием Россию и ее императора. Неслучайно 3 августа 1814 г. Святейший Синод, Государственный совет и Сенат вынесли совместное постановление о присвоении императору титула «Благословенный». Сам Александр I в 1812–1815 гг. был сильно подвержен религиозным настроениям, что выразилось в ряде принятых им решений (о сооружении храма Христа Спасителя, создании Священного союза и др.). Подчеркивается, что Александра I во время пребывания на территории противника интересовала не только военно-политическая, но и духовно-нравственная сторона событий. Он спас Париж от разграбления, а русские военные вели себя во Франции очень корректно. Анализ мемуаров русских участников Французской кампании 1814 г., где зафиксировано индифферентное отношение французов к религии и господствовавшие среди них нравы, подтверждает положение автора о том, что противостоящие стороны имели разный менталитет и принадлежали к разным цивилизациям. Война 1812–1814 гг. вошла в историческую и культурную память русского народа как священная война. Это, в частности, нашло отражение в распространении и развитии в русской философии XIX в. мотива национальной исключительности и религиозного мессианизма русского народа, а также в специфике ряда памятников, воздвигнутых в честь победы.

В *шестом параграфе* (Церковные памятники Отечественной войны 1812 года) дается характеристика более 50 выявленных автором церковных памятников (храмов, приделов в храмах, часовен), воздвигнутых в честь победы над Наполеоном.

Третья глава «Русская Православная Церковь и Крымская война 1853–1856 гг.» посвящена исследованию роли Церкви в борьбе с Османской империей, Францией, Великобританией и Сардинией в годы Крымской войны. В *первом параграфе* (3.1. Святые места в центре Восточного вопроса: церковно-политический фактор как одна из причин Крымской войны) рассматриваются предпосылки военного противостояния. Показано, что война была вызвана усилением целого комплекса противоречий, существовавших между Россией, Францией и Великобританией, а также непосредственным столкновением их жизненно важных интересов в Святой Земле и на Ближнем Востоке. При этом на ближневосточном направлении внешней по-

литики всех трех великих держав значительную роль играли церковно-политические вопросы.

Автор очерчивает круги интересов России, Великобритании и Франции в регионе и показывает, что, поскольку в XIX в. в христианской Европе политические противоречия были зачастую неотделимы от межконфессиональных, то внезапно обострившиеся в конце 1840-х – начале 1850-х гг. давние разногласия между католическим и православным духовенством в Святой Земле относительно контроля за святыми местами, будучи поддержаны соответственно французской и российской дипломатиями, вскоре вылились в международный кризис. Подчеркивается, что спор о святых местах, который в историографии часто недооценивают, считая лишь поводом к войне, на самом деле вскрыл суть и глубину имевшихся противоречий, ибо он затрагивал вопрос не собственности и даже не покровительства той или иной конфессии, а *политического влияния* в регионе. Николай I, осознававший Российскую империю как гаранта прав Вселенской Православной Церкви, не мог позволить французской и английской дипломатии «выдавить» себя с позиции защитника православных интересов в Святой Земле и на Ближнем Востоке, ибо от этого зависели вес и влияние России в этом важном для нее регионе. Более чем двухлетняя дипломатическая дуэль вокруг святых мест Палестины (осуществлявшаяся путем давления на Порту Франции – с одной стороны, и России – с другой), а также срыв деятельности направленного Николаем I в Константинополь чрезвычайного посольства во главе с князем А.С. Меншиковым, происшедший из-за вмешательства английского посла Ч. Стрэтфорда-Редклиффа, привели к военному столкновению.

Во *втором параграфе* (3.2. Позиция иерархов Русской Православной Церкви и Католической Церкви Франции по отношению к Крымской войне) показано, что Русская Церковь и Католическая Церковь Франции видели в Восточной войне главным образом религиозное начало. Русские церковные иерархи рассматривали военный конфликт как противостояние православной России и «неправославного Запада». В воззвании Синода, в речах и проповедях иерархов подчеркивался священный характер войны, которую вела Россия за святые места, за интересы России и Православной Церкви на Востоке, в защиту своих единоверцев в Османской империи. Решения Синода и поступки архиереев определяли основные направления патриотической деятельности духовенства. Рассмотрена деятельность архиепи-

скопа Херсонского и Таврического Иннокентия (Борисова), на территории епархии которого развернулся основной театр военных действий, и митрополита Московского и Коломенского Филарета (Дроздова).

Архиепископ Парижский Мари-Доминик-Огюст Сибур в посланиях, выпущенных с одобрения Наполеона III, не только признал религиозный характер начавшейся войны, но фактически назвал ее новым крестовым походом, направленным против России и православия. В посланиях Сибура откровенно признавалось, что «истинная причина предпринимаемой экспедиции» заключается в том, чтобы не допустить усиления в Святой Земле и на Ближнем Востоке позиций Православной Церкви, а главное – подорвать влияние и могущество Российской державы.

Третий параграф (3.3. Военное и морское духовенство в регулярной армии и на флоте) посвящен деятельности полковых священников и флотских иеромонахов во время Крымской войны. Приводятся данные о численности военного и морского духовенства накануне и в конце войны, о числе священнослужителей, награжденных за отличия, оказанные в ходе военных действий, о числе раненых и погибших. Освещены подвиги и интересные события из жизни наиболее отличившихся военных пастырей.

Рассматривается также оккупация в годы войны англо-французскими войсками Балаклавского Георгиевского монастыря – древней обители, получившей с 1806 г. статус «флотской», то есть поставлявшей иеромонахов для службы на кораблях Черноморского флота, в гарнизонах Крыма и Черноморского побережья Кавказа. Монастырь был занят неприятелем в течение полутора лет. Все это время в нем оставались настоятель и несколько монашествующих, которые ежедневно совершали богослужения и молебны «о победе на супостаты». Монастырь не был ограблен или осквернен; более того, англичане и французы регулярно присутствовали на службах. Автор отмечает, что к середине XIX в. духовно-религиозный облик французской армии значительно изменился, хотя отдельные случаи вандализма по отношению к православным святыням все же встречались.

Четвертый параграф (3.4. Духовная жизнь осажденного Севастополя) посвящен ключевому и самому героическому событию войны – Севастопольской обороне. Основное внимание со-

средоточено на духовной жизни города и на деятельности приходского духовенства. Показано, что православная вера была душой осажденного Севастополя. Защитники города возлагали большие надежды на Бога, объясняя его заступничеством и свои успехи, и просчеты противника, и наносившие вред неприятелю природные катаклизмы. Страшные дни осады усиливали у защитников города религиозное чувство, вызывая желание верить в чудо. Этим объясняется возникновение многочисленных севастопольских религиозных легенд и преданий, некоторые из которых приводятся в работе. Приходское духовенство не покинуло город и наряду с флотскими иеромонахами оказывало духовную поддержку севастопольскому гарнизону. В храмах ежедневно под гром обстрела проводились богослужения. Священники обходили бастионы, осуществляли духовное окормление раненых в госпиталях, участвовали в погребениях погибших. Одним из севастопольских героев был протоиерей Петропавловской церкви Арсений Лебединцев, дневник и письма которого к архиепископу Иннокентию являются великолепными источниками по проблеме.

В *пятом параграфе* (3.5. Крестовоздвиженская община сестер попечения о раненых как прообраз Красного Креста) рассматриваются история создания и характер деятельности данного учреждения. По сути, это был первый в мире опыт применения женского труда для ухода за ранеными и больными непосредственно на театре военных действий. В работе раскрывается характер учреждения, анализируются выработка и сущность его уставных документов, рассматриваются место и роль в общине ее духовников, а также споры по поводу ее дальнейшей судьбы после войны. Подчеркивается, что в деятельности общины происходило тесное взаимодействие медицинской науки и православной религии, которые не только не вступали в противоречие, но прекрасно дополняли друг друга. Крестовоздвиженская община стала прообразом Общества Красного Креста, предвосхитив его основную гуманистическую идею.

Шестой параграф (3.6. Оборона Соловецкого монастыря) посвящен одной из самых ярких страниц истории Крымской войны. Несмотря на то, что в масштабах грандиозного военного конфликта обстрел обители английской эскадры являлся лишь небольшим двухдневным эпизодом, событие это стало широко известно в России и за ее пределами. Рассматриваются ход и характер обороны Соловецкого монастыря в контексте общих военных событий 1854–1855 гг. на побережье Белого моря. Ана-

лизируется конфликт, возникший по вопросу укрепления Соловецкого монастыря между Архангельским военным губернатором вице-адмиралом Р.П. Бойлем и епископом Архангельским Варлаамом (Успенским). В основе этого конфликта лежало недопонимание, однако происшедшее бросило тень на обоих и впоследствии дало повод некоторым исследователям необоснованно обвинять вице-адмирала в «сознательном предательстве интересов России».

В *седьмом параграфе* (3.7. Русская Церковь и государственное подвижное ополчение) анализируются меры, принятые Церковью в связи с созывом ополчения 1855 г. Они были направлены на объяснение крестьянам необходимости нового воинского созыва, а также временного характера ополчения, участие в котором не должно было изменить социального статуса вступивших в него ратников. Несмотря на старания духовенства, в шести губерниях страны (из 31 губернии, входившей в район формирования ополчения) Высочайший манифест был истолкован превратно, что вызвало крестьянские волнения, в ходе которых в той или иной мере пострадали десятки священнослужителей. В ходе волнений крестьяне, как правило, предъявляли священникам требования о проведении массовой записи на военную службу, что, по мнению восставших, должно было сопровождаться освобождением их от крепостной зависимости и наделением землей. Особенно сильно эти выступления проявились в Киевской губернии, где в исторической памяти народа воинская служба и вольная жизнь ассоциировались с казачеством.

В *восьмом параграфе* (3.8. Настоятели русских посольских церквей в Париже и Лондоне в годы Крымской войны) рассматривается деятельность протоиереев Иосифа Васильева и Евгения Попова, которые, оставшись во время войны единственными представителями России в странах-противниках, по поручению российского МИДа оказывали духовное попечение и материальное вспомоществование российским военнопленным. Особное значение это имело для солдат, которые, в отличие от офицеров, по своему воспитанию не были интегрированы в европейскую культуру и к тому же находились в более жестких условиях содержания, а потому тяжело переживали оторванность от родины. Священники также старались оказывать противодействие религиозной и политической пропаганде, активно проводимой в годы войны среди русских пленных католическим духовенством польского происхождения с целью заставить их изменить вероисповедание и перейти на службу противнику.

Четвертая глава «Русская Церковь и Русско-турецкая война 1877–1878 гг.» посвящена исследованию роли Русской Православной Церкви в борьбе России с Османской империей в 1877–1878 гг. В *первом параграфе* (4.1. Православный фактор русской политики на Балканах: церковно-политические предпосылки Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.) рассматривается русская политика в отношении греко-болгарского церковного спора, являвшегося в XIX в. одним из ключевых вопросов церковно-политической жизни на Балканах и Ближнем Востоке. Подчеркивается, что Россия, в сферу интересов и влияния которой традиционно входил данный регион, не могла остаться в стороне от этого церковно-политического конфликта. Опираясь на принцип единства православия на Востоке, усиливавший, по мнению российских властей, позиции как православных народов, проживавших в исламском государстве, так и оказывавшей им покровительство России, русская церковная и светская дипломатия пыталась добиться примирения противоборствующих сторон путем взаимных уступок и достижения разумного компромисса. В основу программы действий российского посланника в Константинополе Н.П. Игнатьева была положена идея о каноническом наделении Болгарской Церкви определенными правами с сохранением ее неразрывной связи с Константинопольским Патриархатом. В том же русле, хотя и с большей осторожностью, действовала и Русская Церковь, традиционно поддерживавшая тесные канонические отношения с Восточными Патриархатами, на которые во многом опиралась российская внешняя политика на Ближнем Востоке.

Из-за упорства как греческой, так и болгарской сторон не все запланированное удалось осуществить. 27 февраля 1870 г. султанским фирманом был учрежден Болгарский экзархат, однако канонического признания со стороны Константинопольского Патриархата он так и не получил. Более того, 16 сентября 1872 г. Константинопольский собор Восточных Православных Церквей принял постановление о провозглашении Болгарской Церкви схизматической, изолировав ее тем самым от духовного общения с Вселенской Церковью. Показано, что решение собора не слишком обескуражило болгар, поднявших вскоре борьбу за политическую независимость. В то же время в русском обществе греко-болгарская церковная распря (и особенно – постановление собора по поводу болгарской схизмы), вызвав противоположные мнения, в целом обеспечила рост панславистских настроений,

пик которых пришелся на время Восточного кризиса 1875–1878 гг.

Во *втором параграфе* (4.2. Российское «славянское движение» 1875–1876 гг. и Русская Православная Церковь) рассматриваются место и роль духовенства в общественном подъеме, возникшем в России с началом Восточного кризиса. Показано, что Русская Церковь вместе со Славянскими комитетами фактически встала во главе российского «славянского движения». Духовенство рассказывало пастве о бедствиях единоверных и единокровных «братьев славян», томившихся под турецким исламским игом, и призывало к сбору средств в пользу жертв восстаний в Боснии, Герцеговине и Болгарии. Несмотря на рост в тот период количества и тиражей периодических изданий, в российской глубинке проповеди священников зачастую оставались для крестьян единственным источником информации на подобные темы. С началом сербско-турецкой войны 1876–1877 гг. Церковь внесла существенный вклад в добровольческое движение: священники напутствовали отправлявшихся на Балканы добровольцев, служили молебны о даровании победы «славянскому оружию» и панихиды по погибшим, сооружали и отправляли в возглавляемую М.Г. Черняевым сербскую армию походные церкви, освящали знамена. Отдельные представители духовного сословия, состоя в комитетах и комиссиях по сбору пожертвований, занимались вербовкой и отправкой добровольцев, некоторые священно- и церковнослужители сами отправлялись на театр военных действий. Российское «славянское движение», не поощрявшееся открыто, но и не запрещавшееся властями, к середине 1876 г. стало оказывать сильное нравственное давление на правительство, подчас вызывая его недовольство, выражавшееся, в частности, в принятии ряда «ограничительных» мер. Сила общественного мнения, наряду с провалом миротворческих инициатив русской дипломатии, склонила колебавшегося Александра II к вооруженному вмешательству в балканские события.

В *третьем параграфе* (4.3. Позиция Русской Церкви и российского общества по отношению к начавшейся войне 1877–1878 гг.) показаны реакция общественности на Высочайший манифест «О вступлении российских войск в пределы Турции» и меры, принятые Церковью в первые дни противостояния. Русская Церковь благословила начавшуюся войну, воспринимая и позиционируя ее как священную брань за освобождение едино-

верных и единоплеменных народов, как выполнение Россией своего исторического призвания и религиозно-нравственного долга.

Рассматривается также выражение официальной позиции по отношению к войне предстоятелей Православных Церквей, находившихся на территории Османской империи – Константинопольского Патриархата и Болгарского экзархата. Поскольку сделали они это по предписанию турецкого правительства, то были вынуждены продемонстрировать ему свою лояльность: по всем христианским храмам были разосланы молитвы о здравии и благоденствии султана и об успехе турецкого оружия; христианам, как и всем подданным султана, предписывалось вносить «ежемесячное воспоменение на потребности войны».

В *четвертом параграфе* (4.4. Общины сестер милосердия. Общество попечения о раненых и больных воинах) рассматриваются сотрудничество духовенства с Красным Крестом во время войны 1877–1878 гг., а также роль Церкви в становлении этого учреждения и общин сестер милосердия до начала противостояния. Подчеркивается, что Общество попечения о раненых и больных воинах стало в 1877–1878 гг. главным центром частной помощи на войне. Славянские комитеты уступили ему лидерство в общественном движении, что было связано как с изменением их статуса, так и со сменой приоритетов в русских общественных кругах, внимание которых теперь занимали нужды не столько самих южных славян, сколько сражавшихся за их освобождение русских солдат и офицеров. Рассматриваются постановления Синода, направленные на организацию духовной и материальной помощи русской армии. Показана деятельность Красного Креста, а также общин сестер милосердия, находившихся во время войны под его эгидой.

Пятый параграф (4.5. Православные монастыри России и помощь раненым) посвящен деятельности женских и мужских обителей, которые во время войны значительно усилили присутствующую им благотворительность, направив ее на военные нужды. Монашествующие пополняли ряды сестер и братьев Красного Креста, изготавливали корпию и другие госпитальные принадлежности, делали и собирали пожертвования на военные нужды, предоставляли монастырские здания под военные госпитали, сами организовывали и финансировали лазареты. При этом монастыри не только живо откликнулись на соответствующие предложения Синода (имевшие, как правило, добровольную ос-

нову), но и сами проявляли инициативу, нередко предваряя его распоряжения. В некоторых районах России предложение медицинской помощи эвакуированным с театра военных действий раненым и больным воинам опережало спрос на нее. Особенную активность проявили женские обитатели, многим насельницам которых в рассматриваемый период был свойственен феминизм, выражавшийся в стремлении принимать живое участие в общественной жизни, приносить как можно больше пользы своей стране.

В *шестом параграфе* (4.6. Русский Свято-Пантелеимонов монастырь на Афоне: испытание войной) рассматривается положение, в котором оказались во время войны русские иноки Свято-Пантелеимонова монастыря, находившегося на территории Османской империи и в юрисдикции Константинопольского Патриархата. Показано, что русские афонцы, несмотря на угрожавшую им опасность и развернувшуюся против них информационную кампанию, направленную на их выселение со Святой Горы и передачу Свято-Пантелеимонова монастыря грекам, не оставили свою обитель, сохранив позиции России на Афоне. Покровительство и реальная помощь, оказанные им при этом Вселенским патриархом Иоакимом II, свидетельствуют о том, что в целом Константинопольский Патриархат сохранял с Русской Церковью прежние отношения, несмотря на возникшую между ними напряженность из-за нерешенного греко-болгарского церковного вопроса и состояние войны между Турцией и Россией.

В *седьмом параграфе* (4.7. Военное духовенство в регулярной армии. Война 1877–1878 гг. в записках полковых священников) приводятся данные о численности военного духовенства накануне и в конце войны, о числе священнослужителей, награжденных за отличия, оказанные в ходе военных действий. Анализируются письма, дневники и воспоминания полковых священников Вакха Гурьева, Александра Цитовича, Анатолия Лебедева, Иоанна Софронова и Григория Лапшина. В них нашли отражение непосредственная деятельность армейских пастырей, их отношения с солдатами и офицерами, значение религии в жизни русского воина, восприятие духовенством освобождаемых «братьев болгар». Показано, что при близком знакомстве с болгарскими у священников, как и у других русских участников похода, произошла определенная трансформация первоначального образа «братушек», тем не менее они ни разу не усомнились в

необходимости достижения высоких целей войны: освобождения единоверцев-славян и укрепления позиций христианства на Востоке.

В *восьмом параграфе* (4.8. Новый диалог МИДа и Синода с Константинопольским Патриархатом по греко-болгарскому вопросу) показано, что проведение русскими армейскими священниками совместных богослужений с болгарским духовенством на Балканском полуострове вызвало ряд протестов со стороны Константинопольской Патриархии, в результате чего российский Святейший Синод в феврале 1879 г. был вынужден впервые открыто выразить Вселенскому патриарху свое непризнание болгарской схизмы. Однако, опасаясь дальнейшего осложнения отношений с Константинопольским Патриархатом, российский Синод все же не поддерживал с Болгарской Церковью полного канонического общения. Показано, что в непростом положении оказались и представители Временного русского управления в Болгарии, которые были вынуждены неоднократно рассматривать жалобы греческого населения на злоупотребления, допускаемые болгарами якобы при попустительстве русской администрации. Подчеркивается, что в течение и после войны 1877–1878 гг. российские МИД и Синод, как и прежде, придерживались в греко-болгарском вопросе примирительной позиции, стремясь убедить обе стороны в необходимости соглашения, предусматривавшего каноническое признание болгарской иерархии.

В *девятом параграфе* (4.9. Освобождение Болгарии. Церковные памятники Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.) рассматриваются итоги войны и реакция на них русского общества. Показано, что Сан-Стефанский мирный договор был с восторгом встречен в России, а пересмотр его условий на Берлинском конгрессе вызвал почти всеобщее недовольство, что неизбежно привело к падению авторитета императорской власти. В этой ситуации Русская Церковь поддержала правительство, акцентируя внимание на положительных сторонах Берлинского договора и подчеркивая необходимость сохранения «общеευропейского мира». Подчеркивается, что, несмотря на все уступки, которые Россия была вынуждена сделать западным державам в качестве платы за их нейтралитет в ходе войны, Берлинский трактат стал значительным этапом в освобождении балканских народов и создал условия для их последующего прогрессивного развития. Дается характеристика церковных памятников, воз-

двигнутых на русской и болгарской земле в память воинов, павших за освобождение Болгарии.

В **заключении** приводятся основные выводы, сделанные в результате проведенного исследования.

Роль Русской Церкви в войнах Российской империи XIX в. определялась положением, которое она занимала в государстве, а также отношением христианского вероучения к войне и воинской службе. Считая войну злом, Церковь не запрещает своим чадам участвовать в войнах в защиту православия, Отечества и единоверцев; более того, признает такие противостояния священными. Как институт основного вероисповедания страны Русская Православная Церковь была интегрирована во все основные сферы российской национальной государственности. Святейший Синод оказывал существенную помощь МИДу в решении церковно-политических вопросов и в целом был тесно связан с монархической властью общими задачами и приоритетами. Православная вера являлась идеологической и духовной основой империи. Она санкционировала и определяла правомерность и праведность применения вооруженной силы, а также нормы поведения и духовный облик российского воинства.

Все рассмотренные в диссертационном исследовании войны имели ярко выраженную духовно-религиозную составляющую. Во всех этих войнах Русская Церковь принимала активное участие, всем им давала идеологическое обоснование.

Война 1812–1814 гг. (особенно – Отечественная война 1812 г.) была не только военно-политическим столкновением государств, но также противостоянием двух цивилизаций: российской и западноевропейской. Многие современники воспринимали происходившее как столкновение православной России и «безбожной», «дехристианизированной» в результате революционных потрясений Франции. В немалой степени подобному восприятию способствовала и активная антинаполеоновская церковная и светская пропаганда, ставшая одной из наиболее эффективных мер, выработанных Церковью и правительством для борьбы с иноземным вторжением. Пропаганда всегда опиралась на реальные исторические факты, но при этом использовались приемы преувеличения.

Проявлением религиозно-цивилизационного противостояния в 1812 г. стало, в частности, разграбление и осквернение наполеоновскими солдатами русских православных храмов, вызванное индифферентным отношением завоевателей к религии.

Вандализм неприятеля способствовал расширению народной войны на территории Центральной России.

Крымская война 1853–1856 гг. также была религиозно-цивилизационным противостоянием России и Западной Европы. Среди большого комплекса причин, породивших войну, важное место занимает церковно-политический фактор. Спор о святых местах Палестины, переросший в международный кризис, был проявлением соперничества России и Франции за политическое влияние в Турции. Для Николая I участие в этой религиозно-дипломатической дуэли определялось не только геополитическими интересами страны, но и убеждением в предназначении православной империи как гаранта прав Вселенской Православной Церкви.

Русская Церковь и Католическая Церковь Франции видели в Крымской войне главным образом религиозное начало. Одним из проявлений религиозно-цивилизационного противостояния в это время стала политическая и религиозная пропаганда, активно проводимая католическим духовенством среди российских военнопленных с целью заставить их изменить вероисповедание и перейти на службу противнику, а также настойчивый отказ инославных священников отпевать умерших в плену православных воинов.

Религиозная составляющая заняла ключевое место в идеологическом обосновании и Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Русская Церковь позиционировала ее как священную брань за освобождение единоверных и единоплеменных народов Балканского полуострова от турецкого исламского ига, как выполнение Россией своего исторического призвания и религиозно-нравственного долга. Предпосылки войны 1877–1878 гг. в определенной степени были связаны с церковно-политическими вопросами на Ближнем Востоке: греко-болгарская церковная распря (особенно решение Константинопольского собора 1872 г. по поводу болгарской схизмы) вызвала в русском обществе рост панславистских настроений, пик которых пришелся на время Восточного кризиса 1875–1878 гг., вылившись в российское «славянское движение», ставшее одним из факторов, склонивших Александра II к вооруженному вмешательству в балканские события.

Во время всех войн Русская Церковь выступала в тесном единстве с государственной властью и народом. Помимо церковной проповеди, в которой давалось истолкование причин, целей и смысла войны, что спланивало общество и поддержива-

ло в нем патриотические настроения, Церковь принимала различные меры, направленные на военные нужды: в 1812 г. и 1855 г. духовенство участвовало в организации народных ополчений, в 1877–1878 гг. тесно сотрудничало с Красным Крестом и др.

Непосредственно на театре военных действий находилось военное и морское духовенство, являвшееся духовной опорой и неотъемлемой частью российской армии и флота. Во время всех войн армейские священники и флотские иеромонахи, помимо исполнения своих прямых обязанностей (совершения богослужений и треб, проведения пастырских бесед и др.), участвовали в сражениях, где нередко, вставая впереди с крестом в руке, подавали своей пастве примеры героизма. Духовно стабилизируя воинов, военное духовенство способствовало укреплению боеспособности армии и флота.

Задачей приходского духовенства в годы войн становилось также поддержание спокойствия в помещичьих имениях, а во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. – в районах, населенных мусульманами. Иногда действия духовенства в данном направлении не венчались успехом.

Во второй половине XIX в. Церковь сыграла определенную роль в создании общин сестер милосердия и Общества попечения о раненых и больных воинах. Становление в России частной медицинской помощи на театре военных действий было тесно связано с религиозными вопросами, о чем ярко свидетельствует опыт Крестовоздвиженской общины, ставшей прообразом Красно-го Креста.

В годы военных конфликтов русское духовенство, находившееся на территории стран-противников, старалось по возможности сохранить там свое физическое и духовное присутствие.

Роль Русской Церкви в войнах Российской империи XIX в. была очень важной. Она не ограничивалась фактами непосредственного участия представителей духовного сословия в происходивших событиях, а была неразрывно связана с духовной жизнью всего русского общества. Без учета духовно-религиозной составляющей изучение военных конфликтов представляется неполным и не вполне объективным.

В **приложении** к диссертации приведен список священнослужителей, награжденных за отличия во время всех трех изученных войн, с указанием их заслуг и полученных ими наград.

**ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ
ОТРАЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ:**

Монографии:

1. *Мельникова Л.В.* Русская Православная Церковь в Отечественной войне 1812 года. М.: Изд. Сретенского монастыря, 2002. 240 с. (7,5 п.л.)
2. *Мельникова Л.В.* Армия и Православная Церковь Российской империи в эпоху наполеоновских войн. М.: Кучково поле, 2007. 416 с. (33,5 п.л.)
3. *Мельникова Л.В.* Русская Православная Церковь и Крымская война 1853–1856 гг. М.: Кучково поле, 2012. 392 с. (31,6 п.л.)
4. Отечественная война 1812 года в культурной памяти России / *Мельникова Л.В., Секиринский С.С., Подмазо А.А., Голубев А.В., Аурова Н.Н.* М.: Кучково поле, 2012. 448 с. (36,1 п.л., авт. вклад: 8 п.л.)
5. *Мельникова Л.В.* Русская Православная Церковь и Русско-турецкая война 1877–1878 гг. М.: Изд. центр «Воевода»; Кучково поле, 2020. 400 с. (25 п.л.)

**Статьи в рецензируемых научных журналах и изданиях,
рекомендованных ВАК при Минобрнауки РФ для публикации
основных научных результатов диссертаций:**

6. *Мельникова Л.В.* Отечественная война 1812 года и Русская Православная Церковь // Отечественная история. 2002. № 6. С. 27–38. (1 п.л.)
7. *Мельникова Л.В.* Святые места в центре Восточного вопроса. Церковно-политический фактор как одна из причин Крымской войны // Отечественная история. 2008. № 6. С. 61–75. (1,5 п.л.)
8. *Мельникова Л.В.* Крестовоздвиженская община сестер попечения о раненых как прообраз Красного Креста // Российская история. 2009. № 5. С. 119–134. (1,5 п.л.)
9. *Мельникова Л.В.* Оборона Соловецкого монастыря в годы Крымской войны: военный и религиозный аспекты // Российская история. 2010. № 5. С. 165–182. (1,5 п.л.)
10. *Мельникова Л.В.* «Киевская казатчина» и православное духовенство в годы Крымской войны. К вопросу о крестьянских волнениях в Киевской губернии // Российская история. 2011. № 5. С. 134–147. (1,5 п.л.)
11. *Мельникова Л.В.* Военное и морское духовенство в годы Крымской войны 1853–1856 гг. // Военно-исторический журнал. 2011. № 12. С. 52–58. (1 п.л.)
12. *Мельникова Л.В.* Ангел и демон: Александр и Наполеон в восприятии современников // Родина. 2012. № 6. С. 74–76. (0,5 п.л.)
13. *Мельникова Л.В.* Настоятели русских посольских церквей в Париже и Лондоне в годы Крымской войны // Российская история. 2012. № 4. С. 121–137. (1,5 п.л.)

14. Мельникова Л.В. Православная Россия против «безбожной» Франции: священная война императора Александра I // Российская история. 2012. № 6. С. 103–116. (1,5 п.л.)

15. Мельникова Л.В. Александр I и его война (личность на фоне эпохи) / Диалог о книге Доминика Ливена «Россия против Наполеона: Борьба за Европу, 1807–1814» // Российская история. 2013. № 6. С. 24–29. (0,5 п.л.)

16. Мельникова Л.В. [Рец. на кн.] 1812 год. Московский календарь / Сост. В.М. Хлесткин. М.: Издательство Главного архивного управления города Москвы, 2012 // Российская история. 2013. № 6. С. 202–205. (0,5 п.л.)

17. Мельникова Л.В. Антинаполеоновская пропаганда в России 1806–1814 гг.: формирование образа внешнего врага // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2013. Т. 4. Вып. 4 (20) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <https://history.jes.su/s207987840000529-0-1/> (дата обращения: 04.09.2020) (1 п.л.)

18. Мельникова Л.В. «Вознесся выше он главою непокорной Наполеонова столпа». Два императора, две колонны // Родина. 2013. № 11. С. 14–17. (0,5 п.л.)

19. Мельникова Л.В. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. глазами полкового священника Вакха Гурьева // Военно-исторический журнал. 2015. № 12. С. 54–58. (1 п.л.)

20. Мельникова Л.В. Общины сестер милосердия и женские православные монастыри во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Российская история. 2016. № 6. С. 28–45. (1,5 п.л.)

21. Мельникова Л.В. Православный фактор русской политики на Балканах в конце 1850-х – 1870-х гг. // Российская история. 2018. № 6. С. 147–161. (1,4 п.л.)

Статьи в других научных изданиях:

22. Мельникова Л.В. Место и роль военного духовенства в русской армии в 1812 г. // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы VIII Всероссийской научной конференции. Бородино, 6–7 сентября 1999 г. Можайск, 2000. С. 161–171. (0,7 п.л.)

23. Мельникова Л.В. Монастыри Московской епархии во время Отечественной войны 1812 года // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы IX Всероссийской научной конференции. Бородино, 4–6 сентября 2000 г. М., 2001. С. 178–186. (0,6 п.л.)

24. Мельникова Л.В. Русское православное духовенство и народная война в 1812 году // «Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи». Материалы IV научной конференции. Москва, 26 апреля 2001 г. М., 2001. С. 182–193. (0,7 п.л.)

25. Мельникова Л.В. Антинаполеоновская церковная проповедь в 1812 году // Проблемы изучения истории Отечественной войны 1812 года. Материалы Всероссийской научной конференции. Саратов, 30 мая – 1 июня 2002 г. Саратов, 2002. С. 131–142. (0,7 п.л.)

26. Мельникова Л.В. Русская Православная Церковь в западных губерниях Российской империи во время Отечественной войны 1812 года // Бородино и наполеоновские войны: Битвы, поля сражений, мемориалы. Материалы Международной научной конференции, посвященной 190-летию Бородинского сражения. Бородино, 9–11 сентября 2002 г. М., 2003. С. 281–289. (0,6 п.л.)

27. Мельникова Л.В. Вклад православного духовенства в организацию и деятельность народного ополчения в 1812 году // Церковь в истории России. Сб. 5. М., 2003. С. 114–126. (0,7 п.л.)

28. Мельникова Л.В. Церковные памятники Отечественной войны 1812 года. (Московская епархия) // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы XI Всероссийской научной конференции. Бородино, 8–10 сентября 2003 г. Можайск, 2004. С. 202–218. (0,9 п.л.)

29. Мельникова Л.В. Церковные памятники Отечественной войны 1812 года, возведенные на территории, подвергшейся оккупации неприятелем // «Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи». Материалы VII Всероссийской научной конференции. Москва, 23–24 апреля 2004 г. М., 2004. С. 203–218. (0,9 п.л.)

30. Мельникова Л.В. Мемориал войны 1812–1814 гг. в церкви Параскевы Пятницы в Охотном ряду // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Т. III: Сборник материалов. К 200-летию Отечественной войны 1812 г. / Труды ГИМ. Вып. 142. М., 2004. С. 168–176. (0,5 п.л.)

31. Мельникова Л.В. Два спорных документа 1813 года (К вопросу о церковной пропаганде в эпоху наполеоновских войн) // Доклады Академии военных наук. Военная история. 2004. № 12. С. 42–49. (0,7 п.л.)

32. Мельникова Л.В. Рукопись неизвестного автора «Церковные памятники войны 1812 года» // Церковь в истории России. Сб. 6. М., 2005. С. 121–146. (1 п.л.)

33. Мельникова Л.В. Государственная измена Могилевского архиепископа Варлаама (Шишацкого) в 1812 году // Родное и Вселенское. К 60-летию Николая Николаевича Лисового. М., 2006. С. 238–250. (1 п.л.)

34. Мельникова Л.В. Патриотическая деятельность архиепископа Иннокентия (Борисова) в годы Крымской войны (1853–1856 гг.) // Вестник церковной истории. 2007. № 4 (8). С. 73–88. (1 п.л.)

35. Мельникова Л.В. Русские монастыри во время Отечественной войны 1812 года // Долг и судьба историка. Сборник статей памяти доктора исторических наук П.Н. Зырянова. М., 2008. С. 204–222. (1 п.л.)

36. Мельникова Л.В. Александр I и создание Священного союза // Бородино и наполеоновские войны. Битвы. Поля сражений. Мемориалы. Материалы II Международной научной конференции, посвященной

195-летию Бородинского сражения. Бородино, 3–5 сентября 2007 г. Можайск, 2008. С. 222–232. (0,7 п.л.)

37. Мельникова Л.В. Иерархи Русской Православной Церкви в годы Крымской войны (1853–1856 гг.) // Церковь в истории России. Сб. 9. М., 2010. С. 125–151. (1,5 п.л.)

38. Мельникова Л.В. Патриотическая деятельность митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского Амвросия (Подобедова) во время Отечественной войны 1812 года // Митрополит Санкт-Петербургский и Новгородский Амвросий (Подобедов), 1742–1818. К 190-летию со дня кончины высокопреосвященного Амвросия: Материалы научной конференции в Великом Новгороде, 13 сентября 2008 г. М., 2010. С. 59–71. (0,7 п.л.)

39. Мельникова Л.В. Великая княгиня Елена Павловна и Крестовоздвиженская община сестер попечения о раненых в годы Крымской войны // Military Крым. Военно-исторический журнал. 2011. Спец. выпуск № 3. С. 9–20. (1,5 п.л.)

40. Мельникова Л.В. Балаклавский Георгиевский монастырь в годы Крымской войны // Вестник церковной истории. 2011. № 3–4 (23–24). С. 95–112. (1 п.л.)

41. Мельникова Л.В. Церковь в войне 1812 года // Русская история. 2012. № 1 (20). С. 32–37. (0,5 п.л.)

42. Мельникова Л.В. Отечественная война 1812 года и Русская Православная Церковь // Московские епархиальные ведомости. 2012. № 7–8. С. 138–147. (1 п.л.)

43. Мельникова Л.В. Памятник Крымской войны. Вениаминовское подворье ИППО в Иерусалиме и его основатель игумен Вениамин (Лукьянов) // Международная научная конференция «Императорское Православное Палестинское Общество: к 130-летию со дня основания». М., 2012. С. 69–80. (0,7 п.л.)

44. Мельникова Л.В. Московская епархия в Отечественной войне 1812 года // Журнал Московской Патриархии. 2012. № 10. С. 84–90. (0,8 п.л.)

45. Melnikova L. A Guerra Pátria de 1812: natureza do conflito e causas da vitória russa // 1812: A campanha da Rússia. Bicentenário. Biblioteca Nacional de Portugal. Lisboa, 2012. P. 13–19 (0,7 п.л.)

46. Мельникова Л.В. Великий синод 1806–1807 годов в Париже: рождение легенды о демонической сущности Наполеона // Эйлау 1807 года и Восточная Пруссия в эпоху Наполеоновских войн: Сборник материалов X научной конференции. Калининград, 2012. С. 47–58. (0,7 п.л.)

47. Мельникова Л.В. Антинаполеоновская пропаганда в России 1806–1814 гг.: формирование образа внешнего врага // Французский ежегодник 2013: «Русская кампания» Наполеона: события, образы, память. М., 2013. С. 162–178. (1 п.л.)

48. Мельникова Л.В. Александр Благословенный: священная война российского императора // Эпоха 1812 года в судьбах России и Европы:

Материалы Международной научной конференции (Москва, 8–11 октября 2012 г.). М., 2013. С. 390–400. (1 п.л.)

49. *Мельникова Л.В.* Культурная память о 1812 годе во время Крымской войны // Историк и Художник: Сборник воспоминаний и статей памяти профессора Сергея Сергеевича Секиринского. М., 2013. С. 99–114. (1 п.л.)

50. *Мельникова Л.В.* Франция и французы глазами русских участников военной кампании 1814 г. // Освободительные походы русской армии 1813–1814 гг. в истории России и Европы: Материалы Международной научной конференции (Москва, 25–26 марта 2014 г.). М., 2014. С. 116–124. (1 п.л.)

51. *Melnikova L.* L'Église orthodoxe russe durant la guerre de 1812 // *Slavica Occitania*. Toulouse, 2014. № 39: Confrontations impériales (1812–1814). Évolution de l'identité et de l'image de la Russie dans le contexte européen. P. 187–194. (0,5 п.л.)

52. *Мельникова Л.В.* Православная Россия против «безбожной» Франции: Русская Церковь и феномен «священной войны» 1812 года // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Доклады Международной конференции «Россия и Наполеоновские войны» (Межотне). XII: Сборник материалов. К 200-летию Заграничных походов российской армии 1813–1814 годов. М., 2014. С. 192–211. (1 п.л.)

53. *Мельникова Л.В.* Русская Православная Церковь в западных губерниях Российской империи во время Отечественной войны 1812 года // Россия, Беларусь, Украина: история, современность, будущее: сборник научных материалов. Минск, 2014. С. 128–137. (0,8 п.л.)

54. *Мельникова Л.В.* Церковно-политический фактор как одна из причин Крымской войны 1853–1856 гг. // Войны и военные конфликты в истории России: к 70-летию Великой Победы: Материалы XIX Всероссийской научно-теоретической конференции. Москва, РУДН, 21–22 мая 2015 г. М., 2015. С. 241–251. (1 п.л.)

55. *Melnikova L.* Orthodox Russia against «Godless» France: The Russian Church and the «Holy War» of 1812 // *Russia and the Napoleonic Wars*. (Series «War, Culture and Society, 1750–1850»). London, 2015. P. 179–195. (1 п.л.)

56. *Мельникова Л.В.* Болгария и болгары глазами полковых священников – участников Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Церковь в истории России. Вып. 11. К 70-летию Николая Николаевича Лисового. М., 2016. С. 244–257. (0,8 п.л.)

57. *Лисовой Н.Н., Назаренко А.В., Мельникова Л.В., Смирнова И.Ю.* Империя и Церковь в истории России: духовные основы политики, национальной безопасности и русского присутствия в мире (XVIII – начало XX в.) // Историческая память и российская идентичность. М., 2018. С. 70–97. (1,5 п.л.; авт. вклад: 0,5 п.л.)

58. *Мельникова Л.В.* Император Александр II и создание Российского общества Красного Креста // Эпоха Великих реформ: история и доку-

ментальное наследие. Сборник научных трудов. Серия «Сборники Президентской библиотеки. Электронный архив». 2019. С. 226–238. (1 п.л.)

59. Мельникова Л.В. «За братьев славян!»: Церковь, общество и государственная власть Российской империи во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Александр II и его время. К 200-летию со дня рождения. СПб., 2019. С. 262–275. (0,8 п.л.)

60. Мельникова Л.В. Военное духовенство России во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // У истоков российской государственности. Исследования, материалы. Калуга, 2019. С. 35–39. (0,5 п.л.)

61. Мельникова Л.В. Русские монастыри и монашество во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Многогранный талант историка: памяти доктора исторических наук профессора Авенира Павловича Корелина. М., 2019. С. 181–196. (1,2 п.л.)

62. Мельникова Л.В. «Вершители судьбы Европы»: Александр I и Наполеон I в культурной памяти России // Русское искусство. 2019. № 4 (64). С. 54–61. (0,6 п.л.)

63. Мельникова Л.В. Позиция МИДа и Синода по греко-болгарскому вопросу в ходе и после Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.: новая дискуссия с Константинопольским Патриархатом // 200 лет дипломатической поддержки русского присутствия на Ближнем Востоке: история создания и деятельности Азиатского департамента МИД Российской империи / Материалы Всероссийской научной конференции. Государственный Эрмитаж. 3–4 октября 2019 г. М., 2019. С. 361–372. (0,8 п.л.)

64. Мельникова Л.В. Русская Православная Церковь в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. // Вестник церковной истории. 2019. № 3–4 (55–56). С. 280–300. (1,5 п.л.)

65. Melnikova L. La France et les Français du point de vue des Russes en 1814 // Les Russes en France en 1814. Des faits, des imaginaires et des mémoires. Paris: Editions de la Sorbonne, 2019. P. 121–128. (0,7 п.л.)